колдовские миры

Галина Гончарова

ОТРАЖЕНИЕ

ЗЕРКАЛО ОТЧАЯНИЯ

Галина Дмитриевна Гончарова

Отражение. Зеркало отчаяния

Серия «Колдовские миры»

Серия «Отражение», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41865011
Отражение. Зеркало отчаяния / Галина Гончарова: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101018-8

Аннотация

Не смотрите в старые зеркала. Никто не знает, в какие миры они ведут, кто может из них выглянуть и как это изменит вашу жизнь.

Матильда – сирота. Без образования, без денег и связей. Мария-Элена тоже сирота. Увы, без защиты, но с деньгами и титулом. И со множеством желающих этим воспользоваться.

Что будет, если девушки из разных реальностей, с разными проблемами и трудностями получат возможность хотя бы разговаривать? Смогут ли они изменить свою судьбу? Отбиться от врагов?

Ведь разделенная беда – уже вдвое меньше…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 42
Глава 3 82
Конец ознакомительного фрагмента. 124

Колдовские Миры
Галины Гончаровой

Галина Гончарова
Отражение.
Зеркало отчаяния

И вот я не один был, чтоб идти
В пустынях мира, в сумраке печали,
Хоть замысла высокого пути
Передо мной, далекие, лежали.
Порой терзает добрых Нищета,
Бесчестие смеется над невинным,
Друзья – враги, повсюду темнота,
Толпа грозит, но в сумраке пустынном
Есть радость – не склоняться пред Судьбой,
Ту радость мы изведали с тобой!

Перси Биши Шелли. «Возмущение Ислама» (перевод К. Бальмонта)

Глава 1

Мария-Элена Домбрийская

– Ваша светлость, вам письмо!

Мария-Элена разогнулась от грядки, вытерла пот локтем и принялась отряхивать ладони.

Да, вот так вот.

Монастырское воспитание – строгое и никому поблажек не делает. Будь ты хоть трижды урожденная Домбрийская, а изволь работать наравне со всеми. И в лазарет ходить, и язвы больным промывать, и на коленях стоять, и вышивать, и книги переписывать…

Много чему учатся девушки в обители святой Эрталы Никийской и выходят отсюда замечательными женами и матерями, умеющими вести самое запущенное хозяйство. Да…

Молоденькая послушница, которая держала письмо, смотрела на девушку, словно щенок. Большие карие глаза, беззащитное выражение… Мария уже знала про нее все возможное.

Сирота, осталась без родителей в эпидемию холеры, попала в трактир прислужницей, там ее и изнасиловали. Бедняжка утопиться хотела, когда поняла, что беременна, но не дали добрые люди. Вытащили, надавали оплеух и привели в обитель.

Сейчас она месяце так на третьем. Родит, отдаст ребенка

на воспитание, а потом останется при монастыре. Здесь матушка-настоятельница хоть и строга, но кусок хлеба найдет, да и рабочие руки всегда в чести.

– Благодарю.

Письмо перешло из одной руки в другую. Послушница вежливо отвернулась, чтобы не мешать герцогессе. Мария-Элена распечатала его и быстро побежала глазами по ровным строчкам.

Впрочем, хватило ее ненадолго.

Уже через пару минут молоденькая послушница услышала вскрик и какой-то шум. Обернулась и успела как раз вовремя, чтобы не дать юной герцогессе повстречаться лицом с землей.

Читать девушка не умела, но, видимо, плохие вести?

Она устроила герцогессу на грядках поудобнее и огляделась в поисках воды.

– Не надо… помоги мне добраться до комнаты.

Такие просьбы не игнорируют. Лира, так звали девушку, подхватила ее светлость под руку и помогла встать. Потом оглянулась на письмо. То жалобно белело листками на грядках.

– Простите, ваша светлость…

Герцогесса махнула рукой:

– Не стоит. Думаю, матушка-настоятельница уже в курсе.

Что именно должна была знать настоятельница, Лира спросить не осмелилась. А ласковый летний ветерок играл с

листками, то показывая слова, то вновь убирая их от любопытных солнечных лучиков.

«Дражайшая падчерица.

Ваш отец болен, и мы опасаемся, что он не проживет и месяца. Вам следует немедленно выехать домой, если вы хотите застать его в живых.

Дано в Донэре, семнадцатого червеня[1].

Лорена, герцогиня Домбрийская».

Мачеха, не мать. Родной матери у Марии-Элены уж лет двенадцать как в живых не было. А теперь умирал и отец. И что-то ждет ее впереди?

С таким и взрослому человеку справиться сложно, а уж семнадцатилетней соплюшке, которая последние десять лет провела в монастыре? Конечно, Мария-Элена не ждала от жизни ничего хорошего.

* * *

Матушка-настоятельница всегда знает о том, что происходит в монастыре. Иначе – лишается своего поста и власти.

Она знает, кто ворует с монастырской кухни еду, кто из

---

[1] Календарь ромейского года – с января месяца. Также двенадцать месяцев, названия: стужень, лютень, морозник, протальник, травник, червень, листвень, сытень, живень, сонник, листопадник, снежень. *(Прим. авт.)*

монашек молится искренне, а кто по обязанности, кто из воспитанниц любезничает со смазливым конюхом и кто по ночам читает под одеялом непристойные вирши площадных поэтов. Работа такая…

О письме она тоже узнала достаточно быстро. Донесли.

Привилегия герцогской крови – у Марии-Элены была своя комнатка. Крохотная, в ней помещались лишь кровать, узкий шкаф и таз для умывания, но и то уже благо. Ей не приходилось делить спальню еще с десятком девиц. Она могла остаться одна хотя бы ночью, только вот как же тяжелы были эти ночи. В узкое окошко-бойницу почти не заглядывал свет, и иногда девушка чувствовала себя как в темной ледяной яме. Словно в погребе.

Когда-то Силанта заперла ее там… Как же герцогесса кричала, колотила по двери, срывая ногти, звала… и никто, никто не пришел.

И сюда никто не пришел, молись, не молись. Отец умирает. Всё…

Сейчас тоже никто не придет.

Ан нет, дверь скрипнула. По традиции засовов на дверях в монастыре не было, редкое исключение составляли покои настоятельницы, а остальные…

Что тебе скрывать в божьем доме?

– Мир душе твоей, дочь моя.

Мария-Элена вскочила с кровати так поспешно, словно та задымилась. Опустилась на колено, коснулась губами протя-

нутых ей четок.

– Благословите, матушка.

– Да пребудет над тобой милосердие Ее.

– Аэссе[2], – привычно отозвалась Мария-Элена.

– Мне пришло письмо, дитя мое. Сочувствую твоему горю.

Мария-Элена осмелилась поднять глаза и бросить на настоятельницу робкий взгляд. И тут же вновь опустила ресницы.

Конечно, она не сочувствует. Просто привычно говорит правильные слова, эта женщина в сером платье и белом платке на тщательно уложенных косах. Не старая, полноватая, с мягким, даже невыразительным лицом, похожим на непропеченную булку… и глаза, как две изюминки. Впрочем, Мария-Элена отлично знала, каким грозным может быть ее голос, какими жесткими глаза и как сжимаются губы, произнося привычную фразу: «В темную, на хлеб и воду, на трое суток».

– Разумеется, ты должна ехать домой. Твоя мать на этом настаивает.

– Да, матушка.

Настоятельница вздохнула:

– Мы искренне надеялись, что ты решишь остаться под защитой наших стен, но, видимо, Она решает иначе, и Ей

---

[2] Аналог «аминь», слово, которым привычно заканчиваются все молитвы. *(Прим. авт.)*

угодна мирская жизнь, не монашеская…

– Матушка… ее светлость что-то писала обо мне?

Слова почти не выговариваются, язык сухой, как сброшенная змеиная кожа, и едва поворачивается во рту.

Настоятельница смотрела с грустью.

– Да, дитя мое. Герцогиня написала, что тебе уже нашли жениха, хотя имя его в письме и не названо, но это хорошая партия.

Мир темнел, рассыпался осколками…

Мария-Элена хотела бы броситься к ногам настоятельницы, умолять оставить в монастыре…

Бесполезно. Все – бесполезно.

Впрочем, матушка сама поняла ее состояние.

– Если получится так, что ты предпочтешь мирской жизни наше служение, тебе достаточно будет написать мне.

– Но как я…

– Я дам тебе с собой клетку с голубями.

– Благодарю вас, матушка.

В этот раз даже получилось поклониться. И еще раз поцеловать четки.

– Помни, дитя мое, мы всегда будем рады видеть чистую душу в стенах нашей обители.

– Благодарю вас, матушка.

– Скоро тебе принесут мирские вещи.

– Матушка?

– Ты приехала сюда совсем ребенком и не помнишь всего.

Твой отец прислал для тебя вещи… вряд ли они подойдут идеально, но полагаю, что-то можно будет подогнать по фигуре.

– Да, матушка. Благодарю вас, матушка.

– Будь всегда такой же доброй и послушной, и да пребудет над тобой Ее благословение.

Мария-Элена быстро осенила себя святым ключом:[3]

– Аэссе…

* * *

Настоятельница давно ушла, а Мария-Элена сидела на кровати, глядя в стену безнадежным взглядом.

Принесли и поставили сундуки, окончательно загромоздив крохотную каморку, а она сидела и сидела, не шевелясь, даже когда колокол пробил вечернюю молитву.

Ах, как давно это было.

Зеленый луг, мамины глаза, сияющее солнце, ласковый голос: «Малечка моя, самая красивая девочка, самая умная, самая любимая…»

Сегодня ее не трогали, не звали ни на молитву, ни к ужину, ни на бдение, сегодня нарушился весь жесткий монастырский распорядок, а Малена, так звала ее мама, сидела, смотрела в стену и не знала, что ей делать.

---

[3] Святой ключ – аналог христианского креста. Поочередное касание лба, середины груди, живота примерно на уровне пупка. *(Прим. авт.)*

Ехать домой?

К мачехе, к ее родным, к сводной сестре, о которой до сих пор вспоминается с ужасом, к отцу…

Отцу, который предал ее и мать, который заточил ее в эту жуткую тюрьму.

Больше десяти лет в монастырских стенах. Больше десяти лет учебы, труда, окриков, бдений, искупления и покаяний…

Герцогесса?

Кому здесь какая разница?

С губ Малены сорвался горький смешок. Мачеха наверняка лично выбрала эту темницу. Наверняка…

В монастыре Святой Эрталы Никийской всем безразлично, какое у тебя состояние. Здесь молятся, трудятся, а такие, как она, еще и учатся, чтобы стать хорошей женой и матерью. Она умеет проверять счета, варить мыло, дословно знает, как вести хозяйство, знает несколько языков, хорошо считает…

Музыка?

Танцы?

Сие изобретение Хозяина Пустоты, так что в монастыре этому не учат.

Платья…

Серый и черный, шерсть и сукно, то, что приличествует воспитаннице монастыря. Ни единой ленты, ни клочка батиста или шелка…

Грубое мыло, простая обувь…

Малена вздохнула и, наконец, слезла с кровати. Коснулась гладкой крышки сундука. Кедр, благородное дерево, герб Домбрийских на крышке… Замок отщелкнулся с легким звоном, петли послушно повернулись, явив миру содержимое сундука, обильно пересыпанное лавандой.

Платья.

Малена достала из сундука то, которое лежало сверху, вгляделась…

И задохнулась от волнения, от боли, от гнева.

Мамины платья!

Отец не просто вышвырнул дочь из своей жизни почти на десять лет, он и от памяти о первой жене избавился. Или это мачеха?

Малена помнила, какой красивой была мама в этом платье, как кружилась в синем бархате, как сияли каштановые кудри, сверкали фамильные сапфиры Домбрийских, помнила ласковые руки, веселый смех, нежные слова.

«Малечка, девочка моя, ты вырастешь намного красивее мамы…»

* * *

Настоятельница удовлетворенно кивнула и закрыла потайной глазок.

Плачет.

Вот и хорошо.

Десять лет, почти десять лет… Герцог Домбрийский надеялся на появление наследника, но что-то у него пошло не так, нет, не так…

Дочь он видеть не хотел, дочь он отослал в монастырь, а уж она позаботилась о девочке.

Мария-Элена слаба, податлива, легко внушаема, она просто тень самой себя. И жизнь вне монастырских стен теперь не для нее, без руководства она и дня там не протянет. Настоятельница сделала все, чтобы девчонка вернулась в обитель.

И не просто так, нет…

Послушницы приносят с собой мало, монахини намного больше. Деньги Домбрийских, земли Домбрийских… кто осмелится пойти против Собора?

Надо просто немного подождать, и девчонка сама свалится ей в руки. В услужливо подставленные, милосердные руки.

* * *

Малена плакала долго, но силы человеческие небеспредельны. Слез хватило примерно на два часа, потом молодой организм взял свое, и захотелось есть.

Еды она, конечно, до утра не получит, а если попробует попросить или пробраться на кухню, вполне может получить в наказание трехдневный пост и молитву.

А кушать хочется.

А уснуть на голодный желудок, когда тебе всего восемнадцать… ладно, восемнадцать будет через два месяца, аккурат в живень…

Малена подумала пару минут и решила перебрать мамины платья. Что-то ей обязательно подойдет, но что-то и перешивать придется. Иголка и нитка в келье есть, можно начать уже прямо сейчас.

А там и спать захочется, или утро придет, и надо будет вставать на молитву…

* * *

Платья расстилались на кровати всеми цветами радуги. Каштановые волосы, серые, грозовые глаза Домбрийских – мать была красива. И цвета носила яркие: синий, зеленый, алый, пурпурный…

На Малене это смотрелось…

Нет, платья-то выглядели отлично, несмотря на возраст, а вот Малена в них – жалко.

Плечи обвисали, грудь жалобно пузырилась, хоть платки подкладывай, талия тоже находилась решительно не там, да и мама была чуть толще Малены. Хотя это и неудивительно, на монастырских харчах не потолстеешь.

Распарывать и перешивать, иначе никак. Это просто подшить не получится, разве что длину сейчас убрать?

Малена лениво копалась в сундуке, когда заметила…

Крышка была… не цельной.

Тонкая, словно волос, щель проходила по всей ее кромке. Видимо, когда-то в ней сделали тайник, и он был незаметен, но за десять лет… кто знает, как хранились сундуки?

Сырость, сухость… Дерево рассохлось, и стало видно, что там пустота.

Тайник?

Малена понимала, что поступает глупо, что вряд ли там что-то будет, что…

Какая разница?

Пальцы не справились, а вот ножницы подошли, и через пару минут дощечка отошла, открывая пространство, заполненное корпией. И в ней лежал небольшой полотняный мешочек. Совсем небольшой…

Малена медленно взяла его в руки.

Что там?

Что-то мамино?

Пальцы дрожали так сильно, что завязки пришлось распускать зубами, но наконец они поддались, и в руках у Малены осталось… зеркало.

Очень старое, в тяжелой металлической оправе черного цвета, кое-где позолота, кое-где царапины… но только на оправе. На самом зеркале нет ни царапины, ни скола…

Странное стекло, золотистого цвета, и лицо Малены в нем кажется совсем не знакомым, взрослее, серьезнее… громад-

ные глаза, серые, как у матери, высокие отцовские скулы…

Когда-то мама держала это зеркало в руках.

Малена медленно провела пальцем по оправе. Ойкнула, отдернула руку, видимо, металл плохо отполировали, осталась заусеница, а на подушечке пальца выступила капелька крови. Девушка слизнула ее…

Внезапно накатила усталость, захотелось спать.

Мама…

Ни за что она с этим зеркалом не расстанется и не покажет его никому.

Зеркало решительно отправилось в тот же мешок и для начала – под подушку. Так Малена и уснула, вцепившись в свою драгоценность даже во сне.

Лорена Домбрийская

Полетело в стену зеркало, вслед за ним отправилась книга, подушка, со злости женщина перевернула чайный столик, выдохлась и замерла среди комнаты демоном разрушения.

– Тварь!

Титул, красота, молодость (что такое тридцать пять лет? Ерунда!), богатство, власть…

Панацеей не является ничего из вышеперечисленного.

Муж умирает. А с ним умирают и надежды Лорены на счастливую, обеспеченную жизнь.

Впрочем, метаться по комнате Лорене надоело достаточно быстро, и она помчалась в покои, отведенные для прожи-

вания графу Рисойскому. Брат-близнец, вторая половинка, родной и любимый человек. Да, такие бывают даже у гадюк.

Хотя лично Лорена себя ни гадюкой, ни гадиной не считала, дело-то вполне житейское…

Когда тридцать пять лет назад в семье Рисойских родились близнецы, отец закатил по этому поводу пирушку на неделю. С угощением всех проезжающих, с подарками, с хмельными возгласами…

Для него жизнь была счастьем и праздником, так он и вел себя, а чтобы деньги зарабатывать, приумножать фамильное достояние… Какие интересные у вас шутки!

Аристократам таким заниматься неуместно, это для выскочек, выползков из низов общества, всякого отребья! Но уж точно не для Рисойского, который, бывало, и с королевским домом роднился!

Скончался отец от белой горячки, когда близнецам было по пятнадцать лет. Мать умерла в эпидемию холеры, тогда же умер и младший брат, впрочем, близнецы ни о ком не тосковали. Не умели. Друг друга им вполне хватало для счастья.

Быть красивой девушкой всегда приятно.

Но если ты бедна, как соборная крыса?

Если из всех платьев у тебя лишь два – без дырок, а остальные перешиты из старых, еще материнских? Если имение заложено за долги папочки, чтоб его шервули[4] сожрали?

---

[4] Шервуль – примерный аналог черта, местные жители представляют его в виде громадного зубастого червяка. После смерти шервули медленно, по кусочкам,

У красивых бесприданниц есть два выхода. Даже три.

Монастырь Лорена отмела сразу, она слишком хотела жить и радоваться жизни. Ей нравились красивые платья, драгоценности, да, и мужчины ей тоже нравились! И она им, поэтому рассматривала два других варианта.

Содержанка – или жена?

Оба имели свои достоинства и свои недостатки. На варианте жены настоял Лоран, и близнецы ни разу не пожалели о принятом решении.

А тогда, ночью, после похорон…

Лоран и Лорена сидели в кабинете отца, пили отцовское же вино и разговаривали.

– Рисой разорен. Доходов нам ни на что не хватит…

– Они все же есть? – Лорена искренне сомневалась в этом.

– Долгов у нас всяко больше. А потому… сестренка, у нас безвыходное положение.

– Какое же?

– Тебе надо выйти замуж. За богатого старика.

Лорена подняла брови. Не то чтобы ее пугала эта перспектива, в пятнадцать она уже отлично разбиралась в некоторых сторонах жизни. Братец и просветил, когда она его со служанкой застала. А девушкой Лорена оставалась из тех соображений, что девушки продаются дороже.

– Почему бы тебе не жениться?

– Потому что дочь с хорошим приданым за меня никто не

жрут души грешников и выплевывают… да, именно оттуда. *(Прим. авт.)*

отдаст, сама понимаешь. Сначала всё проверят, да и на ухаживания потратиться придется, на костюмы, на… на многое. Мы этого себе позволить не можем.

– А в моем случае?

– Ухаживать будут за тобой, подарки делать тебе, а благородная бедность девушке даже к лицу. Как и благородная бледность. К тому же ты красива и невинна. Вполне можешь привлечь внимание нужных нам людей, очаровать мужа, помочь деньгами братику…

– Ты так уверен, что я тебя не брошу? – усмехнулась Лорена.

– В этой жизни я уверен лишь в себе и в тебе. Больше не в ком… да и тебе может понадобиться моя помощь, сестренка, ты же не станешь терпеть старика до конца дней своих?

Лорена медленно кивнула.

Не станет. Но как же не хочется…

Лоран, заметив колебания, удвоил усилия, и вскоре Лорена согласилась с его доводами.

Никор Колойский был стар. Он был чуть ли не вдвое старше отца Лорены, но интереса к жизни не утратил. Обожал вино, вкусную еду, красивых женщин… последних – не только платонически, хватало ж сил у старика! Но Лорена выбивалась из этого ряда.

Невинная, красивая, благородная и гордая – восхитительное сочетание, не правда ли? Так и слышится вдали охотничий рог. Так и зовет, так и манит…

Стоит ли удивляться, что Никор повел себя, как охотничья борзая? Сделал стойку, а потом помчался за добычей…

И Лорена милостиво согласилась на законный брак.

Прогадала она или нет?

Сложный вопрос.

С одной стороны, Никор обеспечил ее полностью, вывел в свет, представил ко двору, одел, обул, обвесил драгоценностями и даже немного помог брату. Не деньгами, нет, но ростовщики прижали уши и согласились подождать. Лоран же, будучи тоже представлен ко двору, быстро научился зарабатывать деньги достойным аристократа способом – то есть картами, пари и даже в постелях богатых стареющих дам. Почему бы нет? Если дама подарит кавалеру дорогую безделушку, разве это плохо?

Лоран был неглуп, опасен, быстро умудрился выгодно жениться, но его жена, Тарма Ифринская, хоть и принесла ему приличное приданое, но умерла родами.

Приложил ли к ее смерти руку сам Лоран? Лорена подозревала, что да, но доказательств не было ни у кого.

С другой стороны, Никор быстро наградил Лорену ребенком (хорошо хоть фигура не испортилась) и умудрился умереть через шесть лет после брака. Мог бы и пораньше, что уж там.

И мог бы завещать свое состояние дочери и жене, а не сыновьям от первого брака. Но с ними Лорене справиться не удалось. Драгоценности она унесла, и только. Вырвать боль-

ше завещанного не получилось.

Впрочем, юная вдова не унывала. Будучи представлена ко двору, она закрутилась в вихре удовольствий, и тут ей на глаза попался ОН!

Герцог Томор Домбрийский.

Вдовец, его жена умерла, оставив мужчину с маленькой дочерью на руках… Потрясающее сходство ситуаций, правда? Как тут не воспользоваться!

Тем более что Лорена неосмотрительно оказалась в постели у короля, ее величество этого резко не одобрила и дала ясно понять выскочке, что ей надо спасать свою шкурку. Лорена предупреждению не вняла, за что и поплатилась.

Королева в некоторых вопросах излишним милосердием не страдала.

Схватить наглую выскочку на улице?

Спокойно!

Отвезти к повитухе и вытравить плод?

То же самое.

И кричи, не кричи, кидайся в ноги королю, не кидайся… повитуху еще найти надо, как и похитителей, а попытка возвести напраслину на королеву может дорого тебе обойтись, деточка.

Лоран быстро разъяснил это сестренке, и Лорена прониклась. И принялась охмурять герцога.

Получилось это неожиданно легко. Она вышла замуж, и все было хорошо, правильно и приятно. Большие деньги,

роскошный замок и даже молодые любовники… было все!

До сегодняшнего дня.

Герцог Домбрийский умирал, его дочка в монастыре, и у них даже есть еще пара лет, но что потом?

Потом эта монастырская крыса унаследует все, а их выкинет на улицу. С условиями завещания Лорена была ознакомлена супругом очень давно, и они не поменялись ни на йоту. А то, что завещание хранится в столице, в канцелярии короля, лишало последней надежды. Это не местный нотариус, мэтр Сюре, который готов был есть с рук у красавицы герцогини, это – столица. И там таких, как Лорена…

Ах, наедине с зеркалом можно и признаться себе – красота уходит.

И ты видишь морщинки в уголках глаз и возле рта, ах, эти неумолимые морщинки, и лоб уже не так бел и гладок, и пудра, пока спасающая положение, скоро не поможет, и приходится все больше времени уделять своей внешности…

И даже – выдергивать из золотой гривы седые волоски. Пусть они там не слишком заметны, пусть. Но ведь *они есть*!

Молодость ушла, а где то, на что она ее променяла? Где деньги?

ГДЕ?!

Крик души был засчитан братцем, который валялся на диване и курил кальян. Сквозь облака зеленоватого дыма Лоран наблюдал за сестренкой, которая металась по комнате, а потом пожал плечами:

– Не вижу проблем, малышка.

– Ах, ты не видишь проблем?! – повторно завелась Лорена, но брат заставил ее замолчать движением руки. Из них двоих он всегда был взрослее, опытнее, умнее…

Может, он и правда что-то придумал?

– До совершеннолетия девчонки два года.

– Да! Этого мало, мало! И мы не можем ничем распоряжаться!

– Деньгами – не можем. Нам их будут выделять. Тебе – вдовью долю, потом еще на содержание Донэра, твою дочь тоже не забыли… я один, неприкаянный…

Лоран едва слезу не пустил от жалости к себе. Никто его не любит, никому-то он не нужен… Эх-х-х…

– Прекрати паясничать! – рявкнула Лорена. – Ну?!

– И будут выделяться деньги на Марию-Элену. До ее совершеннолетия или замужества.

– Еще замуж ее выдать не хватало!

– Еще как хватало, сестренка! Еще как хватало, – ухмыльнулся Лоран. – Она не сможет выйти замуж без твоего согласия, а ты можешь дать это согласие на брак только в случае, если жених – я.

– Что?!

Лорена без сил опустилась на узорчатый диван рядом с братцем, вдохнула зеленоватый дым, закашлялась…

– Гадость какая! Что ты куришь?

– Это трава хашеля[5], смешанная с медом и толченым жемчугом. Очень дорогая смесь, кстати говоря. Не хочешь попробовать?

– Нет! Кха! Ты с ума сошел?

– А почему нет, сестренка? Мне давно пора жениться, а монастырская воспитанница станет достойной супругой. На пару-тройку лет. Потом, наверное, она умрет при родах, когда надоест мне, но оставит нам наследника всего состояния. И Домбрийского, и нашего… и я с радостью побуду его опекуном до совершеннолетия… еще лет двадцать.

Лорена подумала пару минут, а потом бросилась братцу на шею.

– Лоран, ты самый умный мужчина на свете!

– Разумеется. А что – кто-то в этом сомневался?

Судьба Марии-Элены Домбрийской была решена.

Его высочество принц Найджел

– Мой принц, вы были великолепны! Никого лучше вас я не встречала, ах, я едва дышу от восторга…

Леди Френсис разливалась соловьем. Найджел поморщился и отвернулся… пожалуй, второй встречи не будет.

Леди старалась, очень старалась, но вот это «мой принц»…

Знали бы вы, как это раздражает!

Юный принц встретил прекрасную принцессу, они полю-

---

[5] Конопля. *(Прим. авт.)*

били друг друга, поженились, у них родились дети…

Красивая сказка?

Замечательная!

А как насчет того, что принцу Остеону было семнадцать лет, а вот его отцу, королю Аррелю, деду Найджела, хорошо за сорок? И проправил тот еще десять лет с хвостиком!

Считайте!

Дед умер в пятьдесят семь, и умер, кстати, не переставая девок в постель таскать. На одной из них и помер, горячая, видно, стерва оказалась! Отец взошел на престол в двадцать семь! А его сыну, то есть Найджелу, было тогда уже почти десять лет!

Сейчас отцу сорок пять, а Найджелу-то двадцать восемь! И править отец будет еще лет десять, а то и больше! У них род крепкий, порода хорошая, что там! Отец до сих пор мужчина!

Матери уж лет пять как нет, а он в спальню фавориток таскает! И по свидетельству слуг, недовольными дамы не остаются…

И когда сам Найджел взойдет на трон? В сорок? А то и позднее?

А не хочется позднее…

Хочется сейчас царствовать и править самому! Возложить на голову древний венец, властвовать в жизни и смерти людей… хочется. Власть – такая отрава… Только вот никто ему престол уступать не станет, отец еще крепок…

Принц вздохнул, отпил из поднесенного любовницей кубка и сгреб в охапку леди Френсис. Хоть так-то забыться…

Он и не заметил, как блеснули опасными искрами зеленые глаза леди Френсис Сорийской.

Принц хотел править…

Найдутся люди, которые оценят это желание. И помогут. Просто в лоб, сразу, такие вещи не говорятся и не делаются, надо постепенно, полегоньку…

И после следующего сеанса утех леди вздохнет: «Ах, каким королем вы могли бы стать, ваше высочество… как несправедлива жизнь». И может быть, принц взглянет на нее с большим интересом?

Кто знает?

Рид, маркиз Торнейский

Охота на кабана – прекрасное и благородное занятие. Особенно когда ты выходишь на зверя один на один, с мечом и собаками…

Кабан опасен, это один из самых лютых зверей, и если ты попадешь к нему на клыки, умирать будешь долго. Но Рид отродясь ничего не боялся.

Шаг вперед. Второй…

Не подвела бы искалеченная некогда нога… впрочем, нет, не подведет! К своей хромоте Рид уже привык, сжился с ней, как другие сживаются с любовницами, и двигался вполне уверенно.

Кабаний меч – штука непростая.

Длинный, с расширенным острием, с узким волнистым лезвием, с отверстием, в которое сейчас вставлено перекрестие – чтобы кабан не рванулся вперед. Понимая, что обречен, этот зверь готов на все, чтобы завалить своего врага.

Да, врага…

Это почти война, глаза в глаза, ощущая дыхание зверя и рискуя своей жизнью…

Собаки сейчас только загонщики. Они отвлекают зверя, покусывают, не дают ему сосредоточиться, подзывают охотника, налетают с разных сторон… Вот одна выскочила из-за елки, побежала впереди, зовет хозяина за собой, что ж, послушаем умное животное!

Рид медленно вышел на поляну, оценивая обстановку.

Ага, вот и кабан.

Небольшой, где-то по пояс высотой самому Риду, можно бы и покрупнее, но какой попался. Видимо, двух-трехлетка. Это не секач, нет. Ему только предстояло заматереть.

Теперь уже не успеет.

Собаки крутились вокруг кабана, покусывали, отвлекали… Одна неудачно повернулась, и кабан тут же воспользовался этим. Дернул головой, поддевая тело на клыки, стряхнул искалеченную лайку, развернулся к новому врагу…

Шаг вперед. Еще один.

Умные собаки продолжают отвлекать врага, Рид приближается, кабан выбирает между старыми противниками и но-

вым, но у него еще слишком мало опыта…

Шаг вперед.

Зверь занервничал, он разворачивается рылом к противнику, это плохо…

Умница, Альма!

Одна из собак бросилась вперед, повисла у зверя на холке, кабан резко встряхнулся, сбрасывая ее, но этой секунды хватило охотнику, чтобы броситься вперед одним прыжком. Нога стрельнула острой болью, но что это за малость по сравнению с удачным ударом?

Ибо меч Рида попал четко в сердце зверю!

Теперь – держать. Пару минут выдержать натиск уже мертвой, но не осознающей этого туши, держаться… Плевать, что подгибается нога, даже уже мертвый кабан может достать тебя клыками, он еще не понял, что мертв, а ты можешь не дождаться добычи…

Некоторые в таком случае бросают меч и бегут, понимая, что зверь их уже не догонит. Рид так не поступал.

Он смотрел в маленькие черные глаза зверя и видел, как медленно угасает в них жизнь.

Сегодня он победитель…

Маркиз дождался, пока туша улеглась на траву, отпустил меч и выдернул из ножен кинжал. Перерезал кабану горло и подставил руки под струю крови. Сделал несколько глотков.

Охота была честной.

Он не стрелял издалека, он убрал слуг… это его добыча!

Теперь можно и позвать носильщиков, пусть перетащат тушу в замок. Сегодня будет пир.

Увы, в замке Рида ждало письмо.

Его величество Остеон желал видеть своего единокровного брата в столице. И чем скорее, тем лучше.

Что ж…

– Сегодня – пир. А завтра выезжаем, – распорядился маркиз.

Королевские приказы не обсуждаются, а выполняются. Но этот день старший братец ему не испортит…

* * *

Рид умел ценить моменты счастья.

Хорошая охота, хороший вечер, когда можно посидеть со старыми друзьями, выпить немного вина, поглядеть в костер – и ни о чем не думать.

Счастье?

Во всяком случае, неплохой его заменитель.

В жизни Рида было не так много хорошего, чтобы он упускал подобные моменты.

Родился он примерно тридцать три года назад. Маркиз Торнейский, его будущий официальный отец, женился и отправился с молодой женой ко двору. Провинциалочка раньше не видела ни столицы, ни короля… маркиз здраво рассудил, что сначала покажет жене всю роскошь двора, а уж по-

том начнет делать детей. Планировалось как свадебное путешествие…

В каком-то смысле так и получилось. Юная Меган была в восторге от двора, от пышности, празднеств, от галантных кавалеров, от комплиментов и букетов, которыми ее заваливали…

А еще – от короля. Седой король с доброй улыбкой совершенно затмил в ее глазах супруга. Молодого, бестолкового и, что греха таить, достаточно скучного. Кому-то нравятся молодые мужчины, кому-то постарше…

Меган, очаровательная, юная, свеженькая, с улыбкой на губах и широко распахнутыми от удивления глазами, мгновенно привлекла внимание Арреля. Какое-то время его величество колебался, но ему было уже за пятьдесят лет, возраст, болезни, может быть, захотелось чего-то нового и чистого, а может, и влюбился.

Сейчас Рид ничего не мог сказать по этому поводу. Кто их там разберет, покойников?

Услать от двора придворного так, чтобы его жена осталась при дворе?

Да легко!

Его величество мог бы проделывать такое по три раза на дню! Маркиз получил письмо, что в Торнее неспокойно, и бросился обратно. Разумеется, жену он с собой не взял, мало ли что…

Королю потребовалось три месяца.

Меган не любила своего мужа, нет, но знала его очень давно, была обещана ему чуть ли не с рождения и считала измену уделом непорядочных женщин. И все же – не устояла. Кинулась в омут юношеской любви, словно в воду головой. Хватило любви ненадолго, примерно на год, чуть побольше, потом чувства охладели и у Меган, и у его величества, но плод она принесла.

Маркиз дураком не был. То, что над ним смеялась вся столица, ему не понравилось, и жену, заперев дома, он начал учить по-свойски.

Жена оказалась беременна.

Маркиз скрипнул зубами, но твердой уверенности у него не было. То ли его ребенок, то ли не его – забирая жену из столицы, маркиз поторопился объяснить ей, кто тут законный супруг. Та ночь могла принести плоды. А мог и его величество…

Восемь месяцев обстановка накалялась. И когда у маркизы начались роды, с облегчением вздохнули все слуги – для них самое страшное закончилось. Маркиз кидался бутылками и кинжалами, маркиза била посуду и плакала…

Наконец-то что-то прояснится.

Как же!

Новорожденные младенцы больше всего похожи на новорожденных щенят.

Мокрые, голые, лысые, красные и сморщенные. И найти у них какие-то общие признаки со взрослым человеком

просто невозможно. Даже глаза – и те невнятные, серо-голубые…

Родимые пятна? Это в романах, это всё туда. А в жизни приходится ждать и разбираться.

Может быть, пойди Рид внешностью в мать, светло-русую и сероглазую, проблем и не было бы. Увы…

Мать – светло-русая, отец такой же, а вот его величество – черноволосый, кареглазый, крепкий, словно гриб боровик…

Малыш оказался копией его величества. Это стало заметно не сразу, примерно к году, но уж проявилось так проявилось. Даже характер был королевский – упрямый, нетерпимый. Не вздорный, но свое Рид требовал упорно, не отвлекаясь ни на какие посторонние вещи.

Маркиз дураком не был.

Он запил так, что винный погреб не выдержал, и однажды…

Пьяной скотине море по колено, а уж королевский гнев – тем более. Самая опасная стадия, когда вино еще не отобрало способность думать и двигаться, но сняло все ограничения в разуме человека, превратило его в опасное дикое животное, которое рвется, насаживая себя на колья и копья, лишь бы убить. Лишь бы дорваться…

И дорвался.

Маркизе досталось двенадцать ударов кинжалом.

Малышу повезло больше.

Маркиз убил бы его, без сомнения, но, увидев, как в ком-

нату ворвался пьяный муж, как жена заслонила колыбельку собой – и тут же упала от удара, встала, шатаясь, повисла на руке убийцы, вмешалась Мелисса.

Меган и Мелисса были молочными сестрами, вот девочка и приехала с госпожой. Подай, прислужи… замуж госпожа ее пока не выдала, но все сходились на том, что своей любимице Меган присмотрит партию получше, слуги наперебой ухлестывали за симпатичной сероглазкой, а та только улыбалась.

И в тот день служанка была у госпожи.

Меган упала, а Мелисса сделала единственное, что могла.

Понимая, что пьяное чудовище не пощадит ни ее, ни ребенка, она схватила колыбельку, выкинула ее из окна, а вслед за ней прыгнула и сама. Благо не башня, второй этаж.

Риду повезло. Он не расшибся, он просто сломал ножку в двух местах, вылетев из колыбели. Мелисса же, молодая и ловкая, отделалась кучей ушибов, царапин и синяков, но думать о них не стала и припустила что есть мочи. Опять же, не абы куда.

На конюшню.

Старший конюх оказывал знаки внимания симпатичной горничной. Да и девушке он нравился. А еще Мелисса здраво рассудила, что на своих ногах она с ребенком далеко не уйдет. А вот верхами…

И верно, увидев растрепанную и окровавленную девушку с завернутым кое-как в одеяльце, орущим в голос ребенком,

старший конюх не стал рассуждать. Он просто заседлал четырех коней, на одного вскочил сам, на второго вскинул Мелиссу с ребенком, двух заводных схватил за поводья – и дал шпоры.

Уже потом, уже в столице они узнали, что маркиз, протрезвев, понял, что натворил, и удавился, да только Меган было уже не вернуть. А ребенок…

Молочные сестры – это не просто так, это на всю жизнь. Никто не знал о маркизе больше, чем Мелисса. Девушка была поверенной всех девичьих тайн, носила записочки любимому, знала, чей плод растет в чреве маркизы… и понимала, что выбора у них нет. Остаться в замке – подписать смертный приговор малышу. Надо было добраться до столицы и бросаться королю в ноги.

Ноги, да…

Ножку малышу кое-как сложил костоправ на постоялом дворе. Срослась она неровно, но Рид был совершенно не в претензии к тетушке Мелли. Как могла, так и выкручивалась, не факт, что в той ситуации он поступил бы по-другому. Все решали дни и минуты.

И Мелисса справилась.

Они добрались до столицы, а там…

Как попасть к королю?

Упасть на колени перед главным храмом, на площади и громко кричать о своих злоключениях. Другого выхода девушка не видела.

Она знала, что знатные люди часто посещают храм Константина Воинственного, известного тем, что оный мученик до последнего сражался, давая возможность женщинам и детям уйти от погони. На площади и упала на колени. И принялась кричать: «Защиты и справедливости!»

Служители храма заинтересовались, вызвали настоятеля[6], и тот, на свой страх и риск, пригласил девушку с сопровождающим внутрь.

Выслушал и понял, что дело выходит за рамки его полномочий.

Настоятель оказался неглупым, он пригласил архона, и уже тот отвел девушку к королю.

Его величество выслушал и поверил. Тем более что пришло уже письмо из Торнея, с требованием дяди маркиза покарать мерзавцев, которые украли его племянника…

Малыш был копией и самого Арреля в детстве, и Остеона. Надеяться, что это сходство никто не заметит, а тем более что дядюшка пощадит малыша или Рида спасут второй раз? О, таким наивным Аррель не был!

Состоялся разговор с сыном, впрочем, Остеон отца не

---

[6] Соборные чины (с низшей ступени) – послушник, прислужник, потом, после принятия сана, служитель (служительница), иногда их еще называют служками, если пренебрежительно, чуть выше – настоятель (настоятельница), над ним архон. Как правило, настоятель заведует храмом или монастырем, архон уже отвечает за определенную область страны, свой район или иногда большой город с предместьями. Самый высший соборный чин – адарон. Стоит над всеми архонами и считается по умолчанию непогрешимым. По уровню власти примерно равен королю. *(Прим. авт.)*

слишком осуждал. Мать в могиле, почему бы и не поискать себе утешений. А что выбрано оказалось неудачно…

Умные женщины в такой ситуации плод травят или мужа, но уж никак не доводят дело до подобной развязки! Тем не менее единокровный брат пищал в пеленках, и с ним надо было что-то делать.

Король поступил просто.

В Торней был отправлен грамотный управляющий – для солидности с небольшим отрядом королевских гвардейцев, которые на месте популярно объяснили новоявленному родственничку, что отнимать у сироты последнее – нехорошо. Собор такого деяния не одобряет.

Дядюшка внял, подлечил синяки и переломы и отправился восвояси.

Аррель по-человечески поговорил с женой Остеона, и малыш остался при дворе. Его величество приказал обвенчать Мелиссу с тем самым конюхом, Мартином, причем никто из них не возражал, и оставил их воспитателями при мальчике. Подарил домик в столице и нашел конюху должность на королевских конюшнях. По трудам и награда…

Правда, история так подкосила его величество, что примерно спустя год-полтора он умер, но в судьбе мальчика уже ничего не поменялось. Остеон был глубоко порядочным человеком, брата не бросил бы никогда, а что вслед малышу шипят: «бастард», «ублюдок» и «кукушонок»…

На каждый роток не накинешь платок. Зато сильнее ста-

нет.

Рид и стал.

Хромота совершенно не мешала ему владеть оружием, а на лошади так и вовсе была незаметна. Мелисса, которую он с детства звал тетей Мелли, малыша обожала, Мартин научил его обращаться с лошадями, а неприязненные взгляды…

На взгляды – плевать, на слова можно ответить вызовом…

И в дуэлях Рид преуспел настолько, что Остеон попросту отправил его на границу. У мальчишки кровь кипит, а у короля поголовье дворян уменьшается? Пусть удовлетворяет свои кровожадные инстинкты с пользой для государства! И никак иначе!

Аллодия расположена очень неудачно – на юго-востоке от нее Степь. Со всеми вытекающими, а именно – кочевыми племенами, объединенными нехитрой философией: «надо грабить». Чем они и занимаются регулярно, так что на границе со Степью приходится держать «Стражевой пояс» – кольцо крепостей, расположенных так, чтобы гарнизоны в случае осады успевали прийти друг другу на помощь.

Вот туда Остеон и отправил братца.

За шесть лет на границе Рид научился владеть любым оружием, от копья до дубины, ездить на любом животном, пить все, что горит, ругаться, как заправский сержант, драться, как сам Паук,[7] и приобрел определенный жизненный опыт.

---

[7] В этом мире воплощением мирового зла сочли паука. Восьмилапый, плетет

Жестокий, иногда даже слишком…

При дворе Риду было уже откровенно скучно. Но брат вызывал раз за разом…

Рид не спорил. Что уж там, Остеон во многом заменил мальчишке отца, учил, воспитывал – как мог и когда выбирал время. Рид и с Найджелом бы дружил, но ее величество Лиданетта оказалась сумасшедшей матерью и буквально не спускала мальчишку с рук.

Как-то просто не сложилось… это бывает.

Так и проходила жизнь Рида.

Полгода на границе, три месяца при дворе, три месяца дома, и придворную жизнь можно променять на приграничную – не жалко. Меньше яда наберешь. Сейчас Рид отдыхал от трудов на благо родины в родном Торнее. Ведь одна и та же страна, а какая разница!

На границе со Степью – кустарники, редкие родники, все желтовато-коричневое и пыльное. В Торнее, заслоненном от суховея горами, зеленеют леса, обильно питаемые водами Калы, и в изобилии водится разная живность. Вот сегодня он и…

Друзья?

Если кто-то думает, что это соседи, он жестоко ошибает-

паутину, иногда еще и ядовит… Так что – Паук, Хозяин Пустоты, Плетущий судьбы, Путающий нити, Разрывающий дорогу, Кровопийца и проч. – наименований много. Считается также непревзойденным воином, когда снисходит на землю позабавиться с людьми – глаз-то до двенадцати штук и рук восемь. *(Прим. авт.)*

ся. Где служим, там и дружим. Рид, пробыв на границе едва не половину своей жизни, совершенно не считал зазорным пожать руку простому солдату, поделиться с ним водой из фляжки или поболтать о чем-то мирном. О бабах, к примеру.

Не осведомлены солдаты о поэзии, вот и приходится довольствоваться малым…

Маркиз? И простонародье?

Когда живешь от налета до налета, когда от этого простонародья зависит твоя жизнь, когда вместе с ними закрываешь глаза мертвецам, а потом идешь в пески, чтобы мстить, – не думаешь о подобных мелочах.

К шервулям в пасть простонародье, а это – братья по оружию.

И отставников Рид приглашал к себе в поместье. Тех, кто научился выживать, воевать и не сдаваться. Возраст отставки на «Стражевом поясе» – сорок лет. Это еще прапрадед постановил так, чтобы солдат успел и дом построить, и детей вырастить…

Опять же, сорок лет. Как ни крутись, как ни изворачивайся, а пора дать дорогу молодежи. И зрение не то, и выносливость подводит потихоньку. Но уж кто до сорока доживает – те становятся не просто профессионалами меча. Рид искренне считал, что даже королевские гвардейцы могут не выстоять против его ребят. У тех-то опыт парадный, а у его людей – боевой. Разницу понимать надо!

Уйдя со службы, солдаты приезжали в Торней, получали

небольшую сумму подъемных, место, чтобы поставить новый дом, и предложение еще лет пять послужить на благо его сиятельства. Обычно никто не отказывался.

Кто-то находил себя в замковой страже, кто-то в свите маркиза – его личной гвардии, кто-то селился на границе маркизата…

Торней находился как раз у истоков Калы, а тут тебе и контрабандисты – разводят их на реках, что ли, – и горы, с которых чего только не лезет – от диких зверей до нелегальных старателей, можно подумать, что в тех горах тебе самоцветы горстью насыпаны. Тут же и граница с Калиндом…

Пусть Калинду не до Аллодии, он уж сколько веков грызется с Данзой, но мало ли?

Горячие головы есть везде, и чтобы охлаждать их, всегда будут нужны профессиональные военные. Всегда и везде.

Скучать не придется никому, работа найдется каждому.

Но что понадобилось от Рида брату-королю?

Ладно! Сегодня пир, завтра похмелье, а послезавтра и выехать можно.

Глава 2

Матильда Домашкина

Приятно осознавать, что ты – дура.

Зато не питаешь никаких иллюзий и можешь спокойно подготовиться к худшему.

Если это когда-то и кого-то утешало… что тут скажешь? Дура и есть дура.

Матильда (для бабушки Мотя, для друзей Тильда, для всех остальных исключительно полным именем, спасибо маме) про себя это точно знала. Вот и сейчас стояла она перед домом, думала, что дура, и не уходила. В доме пищал котенок.

Есть такие дома…

Наверное, в каждом городе можно найти улочки, застроенные частными домами. Иногда они располагаются почти в самом центре…

Когда в свое время переселяли людей, строили этакие полубараки – все удобства во дворе, вода из колонки, общий двор. Не коммуналка, но все равно приятного мало. Шесть-семь квартир в доме, все и всё на виду у соседей, стены фанерные, комнатушки крохотные, а кухня совмещена с коридором.

Для тех, кто лишился всего во время войны, кто жил только что не в землянках, это было неплохим выходом.

Тогда.

Сейчас же…

Город растет, полубараки оказываются в центре города, и возникает резонный вопрос. А нужны ли они там?

Ежели что – земля под застройку ценится высоко, снести таких бараков штук пять, а на их месте построить скромный домик этажей так на шестнадцать. С «элитными» квартирами.

Поверьте, прибыль будет. И очень неплохая, особенно если ты на дружеской ноге с городскими властями. Нет-нет, никаких взяток, просто искренняя дружба. Чистая и прозрачная, как стеклышко.

Что происходит с обитателями самих домов?

А тут уж как повезет. Дом, к примеру, могут расселить. Жил ты в центре, а будешь жить на окраине. Было у тебя сорок квадратов – столько и будет. Зато квартира отдельная… ну, качество постройки – это вопрос, но хоть воду таскать с улицы не надо.

Это для понимающих людей.

А для тех, кто стоит на пути прогресса, могут найтись и иные средства убеждения. К примеру, полыхнет старый дом, и выскочат люди, в чем были. Хорошо, если документы с собой прихватят…

Нет-нет, это не злой умысел, это – трагическая случайность. Электричество к полубаракам тоже подводят кое-как, счетчики скручивают, специалистов не вызывают, обходясь

«дядь Васями» или «дядь Колями», а уж откуда у тех руки растут…

Дело житейское.

Вот перед одним из таких сгоревших памятников Второй мировой и стояла Матильда. Поджечь его уже подожгли, а разобрать и начать строительство высотки еще не успели. Дом чернел балками, щерился на мир выбитыми окнами и не ждал от жизни ничего хорошего.

А в доме плакал котенок.

Что в таком случае сделает нормальный человек?

Подумает, что в доме могут быть бомжи – к примеру. Или пол провалится – после пожара что хочешь может быть. Или побоится пачкать новые туфли и понадеется на добрых людей, которые выручат бедную кису… Он, конечно, тоже добрый, но…

Матильду останавливали первые две причины. Остальное ее не пугало. Спортивная подготовка у нее была хорошая, старые джинсы и ботинки стиля «говнодав» грязи не боялись, но…

В конце концов она махнула рукой и полезла через бурьян к остаткам закопченной двери, висевшим на одной петле. В одной руке Матильда крепко сжимала баллончик с дезодорантом, в другой зажигалку…

Средство самообороны?

Если никому в глаза не попадало из такого баллончика – можете ехидничать. Но можно и зрения лишиться от таких

радостей. А еще можно таким образом устроить мини-огнемет. Секунды на три, чтобы не разорвало ничего в руках, но противнику обычно хватает.

Этот барак устроили в свое время по типу коммуналки – вход, широкая кухня-прихожая на несколько семей, а уж оттуда, из нее, двери в комнаты.

Матильда прошла по прихожей, осторожно ступая по почерневшему полу в проплешинах от пожара, покосилась на останки плит и столов и подошла к нужной комнате.

Пнула дверь ногой…

Он сидел под кроватью и плакал.

Маленький, не больше месяца, видимо, потерялся. Или мама ушла да погибла. Или просто «добрые люди» бросили. Мол, пусть сам подохнет, а я и ни при чем буду…

– Кис-кис-кис, – позвала Матильда.

Котенок пискнул и забился дальше под кровать. Маленький, серый, дымчатый, словно пуховая варежка, с зелеными, уже сейчас видно, глазами. Кажется, людям он не верил.

Это правильно, но как его спасать? Не на живот же ложиться в эту грязищу?

Матильда чертыхнулась и вытащила из сумки очень полезную вещь – пакеты из сетевого гипермаркета. А что? Конечно, можно купить их на месте, но, во-первых, зачем нам столько пакетов, а во-вторых, всё денежка.

Два больших пакета расстелились на закопченном полу, Матильда встала на них коленями и потянулась за котенком.

Тот треснул ее лапкой по руке и забился в самый угол, откуда малявку было не выдрать без швабры.

Матильда чертыхнулась вторично и попробовала отодвинуть кровать.

И получилось.

Когда-то это была хорошая, качественная кровать, но после пожара то, что от нее осталось, поддалось даже слабым девичьим рукам.

Котенок был настолько поражен разрушением его единственного убежища, что не сопротивлялся, когда Матильда вытащила его за шкирку из угла и пристроила к себе под мышку. Наоборот, обнюхал человека, пискнул, а потом заурчал, как взрослый кот, и начал сворачиваться клубком, доверяясь знакомому человеческому теплу.

Ты ведь меня не предашь, правда? И не обидишь? Я же маленький…

– Беспризорник, – припечатала Матильда и собралась уже уходить, когда…

Что блеснуло в спинке кровати?

Гвоздь?

Матильда не была бы женщиной, если бы прошла мимо и даже не взглянула на источник блеска. И…

Кажется, когда-то спинка кровати и делалась как тайник. Из двух кусков дерева. Но потом про него или забыли, или что-то случилось с хозяином…

Спинка отходила, и в щели виднелся небольшой предмет.

Величиной примерно с ладошку… нет, чуть побольше.

Матильда вытащила его, подцепив пилочкой для ногтей, примерно с пятой попытки, и стряхнула остатки тряпки, в которые он был завернут.

Зеркало.

Совсем небольшое, аккуратное, в старинной вычурной оправе, черного цвета, интересно, что это за металл? Кое-где еще сохранилась позолота, но оправа поцарапана, словно зеркалом орехи кололи. Но на самом зеркале нет ни царапины, ни скола… Странное стекло, золотистого цвета, явно очень старое зеркало.

Матильда погляделась в него.

Девушка из-за стекла поглядела на Матильду. Красивая…

Высокие скулы, большие глубокие глаза, кожа чистого теплого оттенка… Это она?

Да, она.

Матильда сунула зеркало поглубже в сумку, чтобы не разбить ненароком, в какие-то бумаги, которые там постоянно валялись, поудобнее пристроила котенка и сумку и принялась выбираться из дома.

Эту находку она никому не отдаст. И никому не покажет, тем более что и показывать-то некому…

* * *

Чтобы водить машину – то есть груду прессованного же-

леза с добавками стекла и пластика, в нашей стране требуется сдать на права. И по всему миру – тоже.

Чтобы завести ребенка – не нужно ничего. Только потенция и способность к оплодотворению. А ведь это серьезнее, чем машина. Вы не просто водите железяку по дорогам, вы приводите в этот мир новую жизнь. И отвечаете за нее. Наверное… в лучшем случае.

Что думают по этому поводу сами дети? Особенно те, кто явился результатом юношеской неосторожности?

Ох, ничего хорошего о родителях вы от них не услышите. Ни-че-го.

Матильда была «плодом любви» не в лучшем смысле этого выражения. Молодой парень после армии, молодая девушка вскоре после выпускного…

Любовь?

Да!

Она полыхнула, накрыла волной, унесла, закружила, а потом отхлынула и оставила последствия в виде третьего месяца беременности. К чести парня, жениться он не отказался. Да и попробовал бы он отказаться – с Мотиной бабушкой! Вариант «под дулом ружья» оказался бы наиболее гуманным.

Женился, пожил несколько месяцев с женой, тещей и токсикозом, потом послушал детский плач по ночам, а потом, в один прекрасный день, вышел из дома – и исчез. Вместе с очередной зарплатой и всеми своими документами. Бабуш-

ка махнула рукой сразу, произнеся сакраментальное: «козел с возу, волки сыты». А вот мама Матильды так не поступила.

Она помчалась за мужем, справедливо полагая, что он отправился к своей родне аж в Нефтеюганск. Там и потерялась, на просторах между Воронежем и Нефтеюганском, пару раз проявив себя в слезливых письмах.

Бабушка произнесла: «Баба с возу – кобыле легче!» и принялась воспитывать Мотю.

Тут надо сказать пару слов о бабушке Майе, ибо особа это была во всех отношениях примечательная. И замечательная. Всеми, кто оказывался рядом с ней.

Для начала она умудрилась родиться девятого мая 1945 года.

Счастливые родители принесли дитятко и попросили паспортистку записать дочку Победой. Или хотя бы Сталининой.

Паспортистка (святая женщина!) умудрилась объяснить родителям, что они-то радуются, а ребенку с этим именем еще сто лет жить. Может, есть вот замечательное девичье имя – Майя? Майское, как и положено?

Родители согласились, но, видимо, первоначальные намерения как-то отпечатались на ребенке. Ибо характер у Майечки оказался стальной и победительный.

Золотая медаль, диплом с отличием, комсомолка, спортсменка, красавица… Только вот характер такой, что мужчины смотрели с восхищением, но издалека. Очень издалека и

осторожно. Ближе подходить было страшно.

Тем не менее герой нашелся. О дедушке Майя никогда не рассказывала, ограничившись кратким: «Он свою работу выполнил», да Мотя и не настаивала. Хотел бы – интересовался бы и женой, и дочерью Машей. Не хотел? Ну и нам тебя не надо. Обойдемся.

Мария выросла, и тут Майя поняла, что допустила грандиозную ошибку.

Прямо-таки непоправимую, фатальную и страшную. Мария выросла глупой, бесхарактерной, безвольной и сильно увлекающейся мальчиками. Страшное сочетание. К тому же она была хорошенькой. Светлые волосы, большие серые глаза…

Результат остался на руках у бабушки, которая пообещала себе не повторить ошибку и принялась воспитывать малышку. На дворе царили кризисы и дефолты, приходилось бабушке работать и уборщицей, и вахтером, и торговать на рынке…

В результате маленькая Мотя – спасибо маме, решившей, что три поколения женщин, чьи имена начинаются с «М», это так изысканно! – умела ругаться матом примерно с пяти лет, косичкам и бантикам предпочитала стрижку «под каре», юбкам – штаны. А когда в первом классе ее кто-то попробовал обозвать «Матяшкой-какашкой» и «Машкой-домашкой», недолго думая нежная девочка развернулась – и приложила обидчика портфелем по голове.

Сотрясения не было, но в учительской дитятко заявило во всеуслышание, что это – потому что у оппонента нет мозгов.

Учителя прониклись сразу, одноклассникам потребовалась еще пара уроков, но в итоге Мотя спокойно закончила школу, хотя и без золотой медали… Зато – с самыми высокими результатами по ЕГЭ.

Куда может поступить девушка из достаточно бедной семьи, с больной бабушкой и бабушкиной пенсией? Уж точно не на престижные факультеты. И даже не на дневные, ибо кому-то и работать надо.

На заочное.

На факультет делопроизводства.

В отличие от бабушки, которая в свое время была отличным архитектором, Мотя физически не была способна работать с числами. А при словах «интеграл», «дифференциал», «сопромат» у нее начиналась сильнейшая зубная боль. То есть – бухгалтерия тоже отпадала.

Менеджмент? Продавцом в магазине Мотя и так работала. Регулярно.

Итак, факультет делопроизводства, ибо бумажных червяков у нас много, авось где и понадобится. А пока подрабатывать хоть чем и хоть как.

Жизнь была относительно стабильна – до определенного момента.

Два месяца назад умерла бабушка Майя. Конечно, и возраст почтенный, но могла бы и еще пожить! Могла бы!

Но возраст возрастом, а Паркинсон – паркинсонизмом. Увы, болячка эта страшная, коварная и долго пожить не дает, как ни ухаживай. Бабушка уж и тому была рада, что до последнего сохраняла ясный рассудок. Успела оформить квартиру на Мотю, написав договор ренты, присовокупила к ней гараж, дачку – шесть соток и даже умерла не просто так. Из принципа дождалась пенсии и умерла через два дня после ее перечисления.

Мотя горевала искренне. Одни ведь, на всем белом свете…

Теперь она осталась без близких. Но пропадать не собиралась.

Пьянки, гулянки и великая любовь отметались сразу. Наркотики? Туда же, в топку.

Первым делом – получить образование.

Вторым – найти работу и проработать на ней не меньше пяти лет.

Третьим – найти мужа. Ради ребенка. Чтобы не был незаконнорожденным, ну и конечно, если муж с ней не уживется, то и ради алиментов. Хоть копеечка, а наша.

И к этим вопросам Мотя собиралась подходить очень серьезно и ответственно. Не как ее мамаша с папашей, сделали ребенка и свалили налево… каз-злы! Сталина на них нет, как говаривала бабушка!

А у нее вот есть зеркало и кот… или кошка?

Черт его знает…

Да, зверя ей точно не хватало… сейчас – точно.

Мотя шла не просто с работы, она получила полный и окончательный расчет. Ей удалось устроиться в небольшую юридическую конторку на должность: «подай-принеси-отксерь-напечатай», которая в трудовой книжке значилась как младший специалист кадрового отдела, ну а по-простому – девочка на побегушках у всей конторы. Крутиться приходилось весь день, но Мотя не возражала. Параллельно она подрабатывала разносом и расклейкой рекламы, еще принимала на свой телефон звонки из одной псевдофирмочки… Денег хватало даже без бабушкиной пенсии, хотя контора была основным источником дохода.

Увы…

Источник пересох резко, но вполне ожидаемо. А нечего было ее за зад хватать да еще шептать: «Тебе будет хорошо со мной, лапочка!» Ну носит она по летнему времени джинсы и майку с разрезами. А вы помотайтесь по городу, когда в тени плюс тридцать пять! Или рюкзак потаскайте со всяким барахлом… в офисном костюме – самый смак! И на шпильках – тоже!

Матильде было и невдомек, что сильная и гибкая фигурка под потертыми штанами выглядит намного сексуальнее, чем прилизанные прелести офисных работниц. Вот директора и потянуло на клубничку.

В настоящее время он думал, как объяснить супруге фонарь под глазом, а Мотя, уволенная с выходным пособием

(пытались – без, но она пригрозила, что пойдет к супруге директора и все ей выскажет, терять-то нечего), топала домой.

Ровно до дома с котенком.

А, ладно! Прорвемся, блохастый…

И девушка решительно завернула к зоомагазину.

За прилавком стояла соседка по дому, тетя Инна, которую Мотя знала вот уже лет восемнадцать – сколько сама жила. Ладно, почти восемнадцать, будет через два месяца, но все же! К ней Матильда и обратилась, предъявив блохастого Беспризорника, сокращенно – Бесика.

Теть Инна заахала, заохала, сказала, что идея неплохая, если скотинку пригреть, хоть будет кому дома встретить, и озаботилась всем остальным.

Мигом обнаружилось, что это кошечка-девочка, так что Бес разросся до Беси.

Что котенка надо бы прививать и прокапать от блох, но это ты делать погоди. Есть такие группы, которые помогают беспризорным животным, вот адресок, телефон, спишись с ними. Я им тоже свистну, у них обычно ветеринары свои… ты хоть знаешь, во сколько обходятся эти зооосмотры? Примерно как техосмотр некоторых машин. Или у тебя деньги лишние?

Деньги были не лишними.

Мотя поблагодарила и получила в нагрузку треснутый лоток («Хозяин сказал выкинуть, а я вот и припрятала»), драные пакеты с наполнителем для лотка и кормом и даже пару

надколотых керамических мисочек, шампунь (протекший) и коврик для зверя. Все это было из разряда «на тебе, убоже, что мне негоже», но Матильда искренне поблагодарила. Цену на новое добро она в витрине уже видела. И даже подсчитала, сколько это получится…

Дорого.

Доброта всегда обходится дорого.

* * *

Дома Мотя вымыла Бесю с шампунем и попробовала накормить молочком. Кошечка неумело, но отважно лакала из тарелки, перемазавшись по самые уши, забавно возилась, а когда наступил вечер, решительно забралась к Матильде на кровать.

Мотя попробовала ссадить ее на коврик, но тут раздался такой жалобный писк, что сердце девушки дрогнуло, и котейка заняла место рядом с подушкой.

Девушка погладила кошечку, та замурлыкала и перевернулась на спинку, раскрывая в стороны лапки и доверчиво подставляя брюшко, поросшее пока еще негустой, но пушистой шерсткой.

И только тут Мотя вспомнила про свою находку.

Зеркало же!

Черт побери!

Мотя принесла сумку и вытряхнула все содержимое пря-

мо на пол рядом с кроватью. Так… что тут у нас?

Квитанция за квартплату, конверт с расчетом, черновик контрольной, выкинуть, зачетка, список покупок, еще один список…

Ага!

Зеркало удобно легло в руку.

Небольшое, круглой формы, с удобной ручкой и даже колечком… кажется, нечто подобное носили на своем поясе знатные дамы невесть когда… Историю костюма Мотя знала плохо. Но если это так – зеркалу лет триста, не меньше.

Брр…

Мотя повертела его в руках.

Красивое, чеканное, видно, что не ширпотреб, которым сейчас полны все магазины, вплоть до антикварных, на обратной стороне зеркала гравировка – лань застыла в прыжке. Красивая зверушка, но уж больно безобидная. Рысь бы изобразили, что ли?

Себя Мотя к ланям не относила ни с какой стороны, но зеркало нравилось. Нравилась его уютная тяжесть в руке, нравился золотистый цвет стекла, нравилось свое отражение в глубине…

Дорогое? Да, возможно.

Продать? Что она, дура, что ли?

Да, вопрос стоит именно так. Только дура пойдет в антикварный магазин продавать вещь, цены которой не знает. В лучшем случае ее облапошат в три секунды. В худшем же…

Либо ограбят, либо обворуют, это уж как повезет, но зеркала у нее не будет. А может, еще и здоровья, денег и жизни.

Вдруг повезет наткнуться на честного антиквара? Фантастику Мотя откровенно не любила и в повседневную жизнь тянуть не собиралась.

Оставим зеркало у себя. Пусть талисманом будет…

Матильда провела пальцем по оправе.

Ой!

Черт побери!

На пальце набухла капля крови, и Матильда поскорее сунула его в рот. Видимо, где-то в оправе трещина или скол… бывает. Надо залить фурацилиновым спиртом и им же протереть зеркало. Небось, на нем бактерий, как, как… много!

Это девушка и сделала. А потом с чистой совестью отправилась спать, сунув зеркало под подушку. И уже не чувствовала, как хитрющая Беся закинула на эту подушку сначала одну лапку, потом вторую, а потом и все четыре. И перебралась сама, свернувшись калачиком на голове у хозяйки.

А что?

Так теплее. И безопаснее. А она – кошечка маленькая, ее каждый обидеть может… мур-р-р-р-р…

Мария-Элена Домбрийская

Карету подали к восьми утра.

До этого времени Мария-Элена уже успела сходить на молитву, получить причащение у служителя – единственного

мужчины, который допускался в обитель, – позавтракать (овсянка на воде, кусочек хлеба с крохотным кусочком сыра и вода), собрать вещи и даже побеседовать с матушкой-настоятельницей, которая вручила ей клетку с двумя голубями – серым и белым.

– Я буду ждать вестей от тебя, дитя мое.

– Я обязательно напишу, матушка. Благословите меня.

– Да пребудет над тобой воля Его и доброта Ее. Иди с миром, дитя мое.

Малена осенила себя святым ключом и привычно опустила глаза.

– Аэссе.

Мамины платья она надеть так и не решилась, покидая монастырь в грубой одежде из серого сукна. Единственное отличие – под одеждой покоилось мамино зеркало. И прикосновение кожи к теплому металлу оправы как-то успокаивало. Словно мама была рядом.

Словно рядом был хоть кто-то… как же страшно!

Отец небесный, будь милосерден. Мать-заступница, смилуйся…

Карета ждала за воротами. Роскошная, отделанная золотом, вся в узорах и завитках, с гербом Домбрийских на дверце – ланью в прыжке. И на минуту герцогесса почувствовала себя такой же ланью. Загнанной, испуганной, которой не уйти от охотника.

– Ваше сиятельство, – поклонился ей молодой мужчина в

цветах Домбрийских, – позвольте представиться. Дорак Сетон, начальник вашей охраны.

Малена кивнула, не поднимая головы.

– Благодарю вас, господин…

– Прошу вас пожаловать в карету. Мой отряд будет сопровождать вас домой, в Донэр. В карете вас уже ждет горячий завтрак и теплый плащ, а если вы что-то пожелаете, обращайтесь ко мне. Я сделаю все, что в моих силах, ради вашего удобства.

– Благодарю вас, господин.

Второй раз получилось увереннее. И глаза поднять тоже получилось, словно кто-то толкнул под руку.

Мужчина смотрел на Марию-Элену и улыбался. Высокий, черноволосый и синеглазый, белозубый и мускулистый, живое воплощение девичьих грез.

Точно бабник…

Откуда у герцогессы возникла в голове последняя мысль, она и сама бы не сказала. Звучало это удивительно вульгарно, но решительно.

– Прошу вас, госпожа. Окажите мне честь…

Дорак опустился на одно колено, как следовало по придворному этикету, и протянул руку, обернутую плащом, чтобы дама опиралась, входя в карету. Малена, покраснев до кончиков ушей, неловко коснулась пальцами плаща, шагнула на первую ступеньку, пошатнулась, едва не упала…

Спас положение Дорак, вовремя подхвативший даму под

локоть и перенаправивший вместо лужи – в карету.

Мария-Элена пискнула что-то невразумительное, но дверца уже закрылась, и девушка оказалась в обитом бархатом полумраке. Отдернула занавески, осторожно вгляделась…

Дорак командовал людьми, которые рассаживались по коням. Вот он сам взлетел в седло, лихо, почти не касаясь стремени, и махнул рукой. И карета двинулась вперед.

Герцогессе было откровенно страшно.

Она достала из кармана четки и привычно вспомнила молитву: «Отец милосердный наш…»

Молитва почему-то не помогала. Даже наскучила, что было и вовсе странно. Мария-Элена вздохнула, потом укуталась в плащ, лежащий на противоположном сиденье, и достала зеркало.

Оттуда на нее смотрела совсем другая девушка.

Уверенная, решительная, серьезная… ах, если бы она была такой!

А ей – страшно, так страшно…

А пахнет вкусно. Особенно после овсянки. Интересно, что в корзинке?

Малена хоть и привыкла к монастырской умеренности, но все же была нормальной, живой и здоровой девушкой, с таким же здоровым аппетитом.

И через несколько минут салфетка, которой была накрыта корзина, полетела в сторону, а в руках у монастырской вос-

питанницы оказался громадный пирог с мясом. С поджаристой хрустящей корочкой.

Переживания? Подождут!

И девушка занялась пирогом, не обращая внимания более ни на что. Он же с мясом, с соком… Марии-Элене совершенно не хотелось закапать все соком, измазаться и выглядеть как поросенок.

Уммм… как же вкусно! Просто невероятно!

* * *

Дорак Сетон покосился на карету и едва спрятал презрительную усмешку.

И вот это – Домбрийская?

Вот эта серая бесцветная мышь?

Да на нее без слез не взглянешь, она же страшна, как смертный грех. И, судя по всему, – так же глупа, как грешники. Такую можно украсить лишь очень серьезным приданым… к примеру – герцогством Домбрия. Но вряд ли родственники уделят ей хоть кусочек от пирога…

Ну и поделом.

Удел серых мышек – быть пищей для кошек и котов. Это закон жизни…

Разумеется, себя храбрый капитан относил к последней категории, но позариться *на это*?

Столько даже он не выпьет…

То ли дело – ее мачеха. Вот уж кто выглядел великолепно, так это Лорена Домбрийская. Высокая, стройная, с длинными светлыми волосами, уложенными в сложную прическу, с громадными голубыми глазами и потрясающей фигурой. Руки так и тянулись…

Капитан аж зажмурился от приятных воспоминаний…

Вот дочка у ее светлости не удалась. Не в маму.

Но зато глазками на все стороны так стреляет – только звон идет. В самом соку девка, мужа ей искать пора, только вот без приданого даже на герцогскую падчерицу охотников немного. Отчим мог бы ей выделить долю, но матери Силанты нужна не доля. Ей нужно все.

И она свое получит, без сомнения. Ну что эта мышь может противопоставить Лорене?

Дорак покосился на карету, в которой сидела герцогесса. Сидела тихо-тихо, подтверждая мнение капитана о ее мышиной породе, даже шторы не открывала. Что такая может? Да ничего, только молиться и плакать. Чему их еще могут научить по монастырям? Покорись, дочь Его, смирись, дочь Его, принимай с покорностью любые испытания, выпавшие на долю твою, – и молись, молись, молись… очень удобно для всех, кроме самой девицы. Но кого интересует ее мнение?

Была бы хоть красивая, а то… в кого бы ни пошла эта мышь, но точно не в отца. В мать?

Или там и другой отец был? Кто их, герцогинь, знает?

Ах, Лорена, Лорена…

Дорак вспомнил, как рассыпались дождем по груди золотые волосы, как светилось розовым в полумраке нежное тело, как стонала под ним женщина, и почувствовал, что на коне стало несколько неудобно. Но не в карету же проситься?

Это с Лореной они однажды, в карете… не в этой, правда, в другой, но было, было что вспомнить. И за поездку Дораку обещана награда…

И кто эти штаны шил? Сволочи! Тесно же…

Лорена Домбрийская, замок Донэр

Ее светлость в данный момент не думала о любовных утехах. Она встречала королевского стряпчего. Лично.

Конечно, она – герцогиня, а это простой стряпчий, быдло, чернь площадная, но если уж господину Тальферу доверяет Его Величество…

Тут и герцогиня может благосклонно приглядеться к мужчине, а может, и найти в нем союзника? Почему нет? Она – красивая молодая женщина, он – мужчина, нельзя сказать, что красивый, но не старый… попробовать-то всяко можно!

Так что Лорена лично вышла во двор и, улыбаясь, пошла к карете, из которой, отдуваясь и сопя, вылезал мужчина. И тут же испытала разочарование.

Это?

Тот самый господин Тальфер?

Верилось с трудом.

Господин Тальфер был фигурой примечательной, в Аллодии, да и за пределами страны о нем не судачил только глухой.

Барист родился в семье зажиточного купца Жареля Тальфера, но далеко не первым сыном. Шестым ребенком.

Четыре сына, две дочери… тут не купеческое состояние нужно, чтобы всех обеспечить. Но мальчишка рос смышленым. Дома его не ждало ничего хорошего, разве что место приказчика в лавке при старших братьях, но Бариста это не устраивало. Рано поняв, что в этом мире надо пробиваться самостоятельно и лучше всего найти себе хорошего покровителя, Барист недолго думая отправился в ближайший монастырь. Послушником.

Как уж он там молился – никому не известно, а что вот монастырь святого Карена Рукоположителя стал богатеть день ото дня, заметили все. Не слишком известный храм, все достоинство которого заключалось в его расположении рядом со столицей, принялся прирастать, богатеть, нанимать людей то на стройки, то для других работ…

Так что на храм обратил внимание архон Аллийский, Реонар. Он предложил послушнику перейти к нему, Барист помялся для вида, набил себе цену – и согласился.

По странному совпадению принялся богатеть и архон. Свой первый монастырь Барист тоже не забывал, так что настоятель чуть ли не в каждой молитве возносил благодарность небесам за такого умного и услужливого молодого че-

ловека. Молился он с душой, вдохновенно, и Он, всеслышащий, не остался глух к мольбам.

Как известно, не ворует лишь его величество, потому как у себя самого воровать – дураков нет. А вот его чиновники – воруют, их помощники – воруют, на местах – воруют…

Говорят, что когда-то и где-то видели честного чиновника, но найти его не удалось даже силами Собора, так что явление чуда не состоялось. Это в лавке Барист не мог окинуть взглядом всю картину и оценить количество денежных рек, которые утекали налево. А в качестве личного распорядителя финансами господина архона – мог. И обратил.

Сообщив своему господину, что королевский министр финансов не ворует только когда спит. Вот документы, вот доказательства, столько собрано, столько попало в казну, столько мимо казны… Кто-то думает, что храмы – это просто так? Не-ет, туда народ приходит делиться своими горестями, и информации туда стекается ох, много. А кто владеет информацией, тот владеет и миром. Или очень нескромным его кусочком.

Тальферу мир не был нужен, но и делиться деньгами своего начальника он совершенно не собирался. Архон подумал, да и отправился к его величеству.

Остеон прочитал бумаги, тоже подумал, кое-что проверил – и прогневался. Министр финансов полетел с должности и приземлился в королевской тюрьме, Алавере, где из него принялись вытряхивать все наворованное. А Барист своим

поступком привлек внимание короля.

Как известно, Он на небе, но на земле есть свои владыки, с коими связываться опасно. А потому…

Архон Реонар Аллийский поторговался немного с его величеством, и они договорились о совместной эксплуатации молодого дарования.

На место министра финансов Барист не претендовал, справедливо полагая, что сыну купца жить спокойно не дадут. Никогда. Дворяне не потерпят, их честь будет оскорблена, и все в том же духе. А ему-то работать надо! И не отвлекаться на разные глупости!

Его величество мог бы своей волей даровать ему титул, рявкнуть на слишком умных, а то и отправить кое-кого в Алаверу, но если Бариста все устраивает? Зачем городить огород?

Барист получил звание личного стряпчего его величества и возможность работать с большими деньгами. А заодно проверять всю финансовую документацию короля. И Остеон ни разу не пожалел о своем решении.

Господин Тальфер был умен, трудолюбив, изобретателен и талантлив в том, что касалось денег. В остальном же…

Он заработал себе дом, но жил в одной комнате, плохо представляя, что делать с двумя дюжинами оставшихся. Купил выезд, но до дворца всегда ходил пешком…

Его величество подумал еще немного – и огляделся по сторонам. При дворе, как известно, есть много беспридан-

ниц с титулом. Кто-то из них опускается и становится придворной шлюхой, а кто-то выбивается в люди. Выходит замуж, иногда удачно, иногда нет…

Жанетта Вилойская была из тех, на кого лишний раз не позарятся. Полненькая, невысокая, с рыжими от природы локонами, невнятно-зеленоватыми глазами и веснушками по всему лицу…

Нет, не красавица. Даже круглое ее лицо, если кто-то давал себе труд разглядеть его под веснушками, было вполне простонародным – курносый нос, широкий рот, маленькие глаза…

Но у девушки было два достоинства. Во-первых, природная смекалка, которая позволяла ей дружить со всеми, и, во-вторых, она была единственной дочерью бедного дворянина. Что там тот Вилой? Плевок на карте, точка карандашная, но он давал титул. И его величество мог своей волей отдать этот титул детям Тальфера, таким образом сделав их дворянами. Никто и не пикнет, так поступали…

Жанетта подумала – и согласилась. Барист также подумал – и согласился. А его величество лично был посаженым отцом у невесты, затыкая рты всем сплетникам.

Брак оказался неожиданно удачным.

Жанетта родила шестерых детей, правда, двое у нее умерло, нежно заботилась о Баристе, который прекратил жить в одной комнате, питаться всухомятку и сотворять святой ключ при словах «уборка» и «портной». Она редко появля-

лась при дворе, предпочитая свой дом, занималась детьми и была совершенно счастлива.

Барист жену не любил, но относился к ней очень хорошо. Не ограничивал в тратах, восстановил Вилой, развел там замечательные виноградники и собирался делать свое вино, для чего пригласил специалистов аж из Грата. Одним словом, горшок нашел крышку. А его величеству Барист был предан всей душой и любого врага государства лично загрыз бы зубами.

Вот этот человек и вступал сейчас под своды Донэра.

Внешне же…

Черные волосы до плеч, невысокая фигура, больше всего похожая на колобок с короткими ручками и ножками, яркие черные же глаза-изюминки на круглом лице… не красавец. И вообще, булочник или молочник… наверное. Это – с первого взгляда.

Со второго…

Да, Барист не носил меча, он вообще не умел пользоваться оружием, ему всю жизнь было плевать на моду, он одевался так, как ему удобно, но глаза его…

Глаза Тальфера выдавали. Слишком умные, ясные, острые и проницательные. Они обежали двор Донэра, кольнули иголками Лорену, на миг остановились на Лоране, появившемся на крыльце, и Барист поклонился:

– Ваша светлость. Рад видеть вас. Достопочтенный Рисойский…

Лоран ответил поклоном. Лорена всплеснула руками:

– Господин Тальфер! Как я рада нашей встрече. Ах, наше захолустье так редко посещают гости! Я сейчас прикажу проводить вас освежиться с дороги, а там и праздничный обед готов будет…

– Ваша светлость, я прибыл повидаться с герцогом. Сначала дело, а потом все остальное.

Этой присказкой он был известен по всему королевству и менять принципы не собирался ни ради Лорены, ни ради обеда. Лорена скрипнула зубами, но сдержалась и мило улыбнулась.

– Господин Тальфер, тогда прошу вас, на несколько минут, освежиться с дороги. Вода нагрета. А я тем временем сообщу супругу…

Тальфер подумал пару минут – и кивнул. Действительно, в карете было душновато, а он, как большинство полных людей, сильно потел. Не мешало бы сменить рубашку и верхнюю тунику с дорожной на более роскошную, все же герцог…

– Буду вам очень признателен, ваша светлость.

Лорена мило улыбнулась – и сделала жест служанкам, которые тут же закружились вокруг гостя. Слуги тем временем доставали багаж – сундук и небольшую сумку. Сама же Лорена проводила гостя до его покоев, выказывая уважение, а потом, когда за Тальфером захлопнулась дверь, скрипнула зубами – и направилась к мужу.

Твари!

Ее бы воля…

* * *

В комнате герцога Домбрийского царил полумрак.

Задернутые шторы – больному вреден прямой солнечный свет. Благовония в курильницах – больному вреден вульгарный уличный воздух. Столик рядом с кроватью, заставленный снадобьями… И лекарь.

Сам герцог не спал. Лежал, смотрел в окно серыми глазами, некогда яркими, а сейчас почти бесцветными. Лорена присела в реверансе.

– Мой господин, прибыл мэтр Тальфер. Он ожидает, когда вы сможете принять его.

Герцог повернул голову, вдохнул воздух, собираясь что-то сказать, но не смог. Исхудавшее тело скрутил приступ кашля, лекарь подскочил, подхватил господина под плечи, помог прокашляться… в тазик шлепнулся комок кровавой мокроты. Лорену замутило, но женщина стойко держалась, дожидаясь ответа.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем герцог смог говорить.

– Пригласи его. Немедленно…

Лорена мысленно выругалась, но внешне осталась безупречна. Поклонилась, улыбнулась и пообещала, что сразу

же, мой господин…

И отправилась к мэтру Тальферу.

Тот уже переоделся, разогнал служанок и теперь ждал. Лорена подавила приступ раздражения и, мило улыбаясь, пригласила господина Тальфера к его светлости…

Мужчина поклонился и последовал за кипящей от возмущения герцогиней.

* * *

– Лорена, попроси прийти Шадоля и возвращайся. А вы, Карен, тоже останьтесь, мне нужны будут свидетели.

Тальфер уселся рядом с кроватью герцога, на стул, и приготовился внимать последней воле. А герцогиня выскочила за дверь, призывая прислугу.

Стоит ли говорить, что дворецкий нашелся в рекордно короткие сроки?

Но когда герцогиня влетела в двери спальни, мэтр Тальфер уже строчил пером по бумаге, изредка обмакивая его в чернильницу.

Герцог приподнялся, и лекарь тут же подсунул ему под спину несколько подушек. Это вызвало новый приступ удушающего кашля, но наконец Томор прокашлялся и заговорил:

– Я, герцог Томор Домбрийский, милостью Его, оглашаю свою последнюю волю в присутствии независимых свидете-

лей, находясь в ясном уме и твердой памяти, что засвидетельствовано личным его величества стряпчим, господином Тальфером.

Означенный господин чуть склонил голову, и герцог продолжил:

– Все мое состояние, Донэр, земли, деньги – все, что у меня есть, отходит моей дочери, Марии-Элене Домбрийской с тем, чтобы она вышла замуж до достижения двадцати пяти лет. Далее либо ее муж берет фамилию Домбрийских, либо ее второй сын должен принять мой титул и ответственность за Донэр на свои плечи. Разумеется, по достижении им совершеннолетия. До той поры его опекунами будут отец и мать.

Кивнули все.

Ничего нового. Если Мария-Элена выйдет замуж за наследника титула, дети будут распределяться по очереди. Старший – наследует отцу, второй – матери… это нормально. Это бывало.

До двадцати пяти лет девчонке еще семь лет жить, успеет остепениться.

– До совершеннолетия моей дочери еще два года и два месяца. Поэтому ее опекунами назначаются ее мачеха, Лорена Домбрийская…

Герцогиня поднесла к глазам совершенно сухой платочек, но восклицать нечто пошлое, вроде: «Дорогой муж, вы еще сто лет проживете!» не стала. Хорошие актрисы не переиг-

рывают даже в любительских спектаклях.

– …и лично его величество.

А вот это был удар. Да какой!

Лорена даже задохнулась. На миг стены комнаты дрогнули, поплыли вокруг женщины в медленном танце…

Его величество!

То есть – на брак надо согласие обоих опекунов. А даст ли его король?

Только в том случае, если умолять его будут все. Лорена, Лоран и беременная от Рисойского Мария-Элена. Желательно – влюбленная по уши.

В противном случае…

Алаверой тут не отделаешься, могут и голову с плеч снести. Остеон суров…

Ничего, этот вопрос решаем. Что, брат не сможет обаять какую-то соплюшку?

Да Лоран с десятком таких справится! С возрастом он не облысел и не растолстел, обаяния у него на шестерых хватит, а опыта – и на десятерых девчонок. Можно подумать, она не видит, как на него Силанта смотрит! Не был бы Лоран ей дядей, точно бы на шею прыгнула…

– Опись своего имущества, земель, доходов, драгоценностей, вкладов в государственные облигации и различные дела я прилагаю. Копия останется здесь, две копии отправятся в столицу.

Лорена поглядела на свиток волчицей, у которой кусок из

глотки вырывают.

Да, если все это будет у короля – не покрутишься. Тальфер – это вам не мэтр Сюре, это у местного стряпчего могли пропасть несколько строчек из описи, но не у этого волка! Какой там колобок? Тигра!

– Моей жене, в благодарность за ее любовь и нежность, я назначаю пожизненное содержание. Пятьсот монет золотом в год и доходы от поместья Шанэр.

Стряпчий писал.

Лорена покривилась.

Пятьсот монет золотом!

Громадная, непредставимая сумма для простонародья. Да Домбрия в год дает не меньше двадцати тысяч! Конечно, приходится вкладываться то в одно, то в другое… муж вообще обожает разбрасывать деньги на нужды всякой черни, как будто та сама не справится, мельницы какие-то строит, дороги… пффф! Но остается не меньше десяти-пятнадцати тысяч золотом. Этого хватило бы, чтобы блистать при дворе…

– Моей падчерице, Силанте Колойской, я завещаю единовременно сумму в десять тысяч золотом, чтобы она пошла в ее приданое. До той поры распоряжаться всей суммой она не может, но брать проценты – вполне.

Лорена быстро подсчитала в уме.

Десять тысяч золотом – это хорошее приданое. На него можно купить небольшое поместье. А два процента в год,

которые дает помещенный в надежное место капитал, в королевские бумаги, это двести монет золотом.

Хватит на скромную жизнь в столице. Для сравнения – дом можно снять за пятьдесят монет золотом на год, и неплохой дом, но остальное…

Да некоторые платья Лорены стоят дороже двухсот золотых! А про украшения и говорить не приходится…

Вспомнив о том, что все украшения Домбрийских теперь отходят к этой сучке, Марии-Элене, Лорена покривилась. Личных украшений у нее было не так много, да и класс пониже…

Впрочем, если они с Силантой поедут в столицу… Шанэр дает где-то монет триста в год, плюс ее деньги, плюс дочкины…

Тысяча золотом.

Очень неплохо, но не для Лорены Домбрийской. Ей уже не нужна была часть, ей нужно было – все! А муж продолжал диктовать.

Он перечислил верных слуг, оставив каждому небольшую сумму в золоте, в том числе и дворецкому – две сотни золотых, и заставив мужчину вытирать слезы искренней радости. Перечислил соседей, которым оставлял на память небольшие сувениры – скакового жеребца, книгу, оружие…

Мэтр Тальфер уверенно писал, Лорена слушала без особого интереса, обдумывая свои планы. Пожалуй, их стоит поменять.

Раньше она полагала, что Лоран быстренько соблазнит, обрюхатит и потащит под венец эту идиотку, Марию-Элену, после чего они втроем отбудут в столицу, а падчерица останется в поместье. Должен же кто-то и за делами приглядывать? А то слуги вконец распустятся.

Лоран будет наезжать к ней пару раз в год, забирать деньги и делать детей, и все будет отлично.

Теперь планы приходилось пересматривать.

Марию-Элену надо будет везти с собой в столицу, а там уже выдавать замуж за Лорана. И демонстрировать ее хотя бы годик, чтобы его величество не заподозрил неладного…

Ну ничего, она умная, она решит этот вопрос ко всеобщему, то есть собственному, удовольствию.

И Лорена принялась внимать кашляющему и задыхающемуся супругу.

Мария-Элена Домбрийская

Чем плохи пироги?

Да тем, что их надо запивать. А потом жидкость себе ищет дырочку…

До обеда было еще далеко, но кустики девушке требовались просто позарез. Не помогали ни молитва, ни стискивание зубов…

Кучер никак не отозвался на стук. Может, стучать надо было громче?

Малена робко отдернула штору. Сначала внутреннюю,

шелковую, а потом и наружную, из плотной кожи, и поглядела вокруг. Словно мышь, которая выглянула из норки и готова спрятаться обратно при первом же шуме.

Капитана не было видно.

Зато неподалеку от кареты на буланой лошади ехал гвардеец в цветах Домбрийских.

Девушка кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание.

Безрезультатно.

– Простите, – шепнула она. Горло перехватило.

Не общалась она в монастыре с мужчинами, вот и смотрела на всех с тихим ужасом…

Тоже не помогло.

Отряд никогда не передвигается тихо. Скрипит карета, переговаривается эскорт, цокают копытами по камням лошади, побрякивает сбруя, это если еще кто на нее не нашивает колокольчики или бубенцы, чтобы привлечь к себе внимание… А сейчас вдобавок и кучер распевал во весь голос, нещадно фальшивя:

– Ах, моя дорогая Линда…

Куда уж ему было что-то услышать? В шуме и гаме голосок девушки тонул, словно камень в воде. Мелкий такой камушек, почти песчинка.

Мария-Элена пискнула еще пару раз, но на нее даже головы не повернули.

«Вот козлы, – решительно вмешался внутренний голос. – Да разве это так делается?»

«А как?» – Мария-Элена в данный момент готова была прислушаться хоть к внутреннему голосу, хоть к внешнему… да хоть к кому! В кустики! НАДО!

А то карета необратимо пострадает!

В следующий момент у девушки появилось странное ощущение. Вроде бы кто-то весело ухмыльнулся: «Подвинься?»

Мария-Элена сама не поняла, как ее руки достали из корзины печеное земляное яблоко. Потом она высунулась из кареты, прицелилась…

Ну и попала, куда хотела.

Лошадь, пораженная в морду печеной картофелиной, встала на дыбы, не ожидающий подвоха всадник едва не полетел на землю. По счастью, вовремя схватился за поводья и успокоил мерина…

Естественно, кортеж замедлил продвижение, кучер от удивления заткнулся, и внимание нескольких гвардейцев обратилось на карету.

Неодобрительное такое…

Мария-Элена и сама не поняла, как рявкнула. Не командирским тоном, конечно, но и не писком раздавленной мышки:

– Остановить карету! Немедленно!

Как ни странно, ее послушались.

Мария-Элена дрожащей рукой открыла дверь и спрыгнула прямо в дорожную грязь.

– Я – размять ноги. Сейчас вернусь и поговорим.

Капитан открыл рот, потом сообразил, закрыл его и проводил взглядом тонкую фигурку с прямой спиной.

– Эм-м-м… Терлен, что тут произошло?

На выяснение всех обстоятельств ушло минут пять. А там и герцогесса возвратилась.

Сейчас разберемся…

* * *

Обретя под кустиком новое дыхание, Малена отправилась обратно, к дороге.

С каждым шагом все яснее представляя, что вот она выходит на дорогу, а там мужчины, и все на нее смотрят, и все понимают, чем она занималась, и все… ой, мама…

«А они не пьют, не едят и кустики не удобряют? – завелся тот же вредный внутренний голос. – А ну взяла себя в руки! Чего ты ходишь, как вобла мороженая? Спина расправлена, подбородок вверх, плечи вниз, улыбку на губах, и глаза прищурь, этак неодобрительно! Ты здесь главная!»

Малена даже поежилась, но внутренний голос не отставал. Пришлось соответствовать.

Так что на дорогу она вышла весьма достойной походкой. У Дорака даже рот закрылся. И упрек, который он готов был выговорить, застрял где-то в горле. А Мария-Элена взглянула на него с презрительным выражением и заговорила так, что капитану померещился иней на дороге.

– Капитан. Будьте любезны запомнить, что мы делаем остановку каждые два часа. Мне требуется размять ноги и освежиться. Рядом с каретой должен ехать один из ваших гвардейцев – на случай, если мне что-то понадобится. И купите в ближайшей лавке кляп.

– К-кляп?

Дорак подумал, что спит и видит сон. Но герцогесса быстро привела его в чувство.

– И заткните им кучера. Этот стон у нас песней не зовется, и я его слушать более не намерена.

– К-конечно, госпожа…

– Ваша светлость, герцогесса Домбрийская, – тем же ледяным тоном поправила его девушка. – Кто-нибудь из ваших… гвардейцев подаст мне руку? Или мне надо карабкаться в карету, как простолюдинке, задрав до ушей подол?

Дорак, побагровев, кивнул тому гвардейцу, который стоял ближе к герцогессе.

Та осмотрела его с ног до головы, кивнула, оперлась на руку парня и водворилась обратно в карету.

Показалось капитану – или герцогесса пробормотала: «Распустились тут, мальчики-колокольчики»?

Да быть такого не может…

* * *

Мария-Элена откинулась на подушки.

Она сама себе поверить не могла, что она так говорила. Так действовала. Так… словно это и не она была вовсе! Словно внутри нее поселился какой-то взрослый и умный человек, который подсказал, поддержал, а в нужный момент и помог…

Мария-Элена достала мамино зеркальце. Погладила его…

Оно рядом, и девушка стала увереннее. Погляделась в золотистое стекло, улыбнулась своему отражению, и оно показало в ответ белые зубки.

«Не унывай, подруга, мы сделаем из тебя настоящую разбойницу», – утешил внутренний голос.

И при чем тут разбойники?

Но ведь своего она добилась, верно? А это уже неплохо…

Следующая остановка была ровно через два часа.

Глава 3

При дворе его величества Остеона

– Мой господин…

Френсис Сорийская всегда была великолепна в постели. Талант!

Кто-то стихи пишет, кто-то на музыкальных инструментах играет, а вот леди Сорийская была великолепна в постели. Сходила с ума, кричала, кусалась, царапалась, извивалась в мужских руках, так заводя партнера, что тот забывал обо всем. И потом чувствовал себя героем…

Как же! Такую красотку и до такого довел…

Но имелась разница между работой и удовольствием и для леди Френсис.

С принцем она многое делала по обязанности, а вот сейчас… и томный взгляд, и низкий чувственный голос, от которого и боевые кони встали бы на дыбы, все было от души.

– Мой господин…

Мужчина, у которого на плече покоилась головка леди, погладил ее по длинным каштановым волосам, намотал их на кулак – и впился в податливый жадный рот, в манящие алые губы…

Таково уж было свойство Френсис – пробуждать в мужчине зверя. И зверь этот требовал насыщения.

Спустя примерно час леди опять вытянулась рядом с лю-

бовником, спокойная и довольная. Теперь настало время поговорить.

Мужчины ведь устроены иначе, им отдых нужен…

– Ты была у принца?

– Да, мой господин. Найджел недоволен. Ему кажется, что его лишают заслуженного – власти и прав. Он хочет трон, хочет стать королем… это его просто изнутри сжирает. Вы бы видели, как его корежило от слова «принц». В мечтах он уже давно правит Аллодией.

Мужчина только хмыкнул.

– Правит он… направит такой, если его не направить.

– И куда вы хотите направить его, мой господин?

Мужчина покосился на женщину.

Редкое сочетание. Красота, ненасытность и ум. Невеликий, но большого ему и не надо.

– Его величество решил женить Найджела.

– Да? На ком же?

Новость эта была потрясающей. При дворе еще не ходили слухи и сплетни, никто ничего не знал…

– С Саларином родниться нельзя, королева была оттуда. Остается Элар. У них как раз есть девица подходящего возраста…

– Неужели Дилера?

– Ее высочество Дилера, не забывайся…

Леди Френсис состроила покаянную рожицу.

– Мой господин, я бываю такой непочтительной. Такой

рассеянной… угодно ли будет вам наказать меня за это прегрешение?

Глаза мужчины сверкнули жадными огоньками, но свои силы он оценивал верно, а потому не стал торопиться. Просто сжал в кулаке гриву волос, намеренно причиняя легкую боль, и удовлетворенно пронаблюдал, как туманятся глаза леди Френсис. Не от боли – от желания.

– Чуть позднее.

– Да, мой господин.

– Именно Дилера. Предварительный договор с Ринием Эларским уже заключен, есть наметки по переговорам с Саларином. Если все пройдет удачно, Степь падет к ногам тройственного союза.

– Вот как…

Леди Френсис была действительно неглупа.

С Саларином – родство. Правящий сейчас король – брат ее величества Лиданетты, которая безвременно почила во время эпидемии оспы. С Эларом будет родство. А дальше…

Каждое государство сильно своим.

Аллодия богата лесами, горами, у них почти нет конницы, но сильная пехота. В Эларе, напротив, конь стоит больше, чем женщина. За убийство или вред, причиненный коню, тебя могут просто повесить. А Саларин – это купцы. Война же – расходы, расходы и еще раз расходы. И взять-то с той Степи нечего, кроме коней, территорий и рабов. Но чтобы все это начало приносить прибыль, еще требуется столько вло-

жить… подумать страшно.

Это понимает любой разумный человек.

– Что я должна сделать, мой господин?

– Мне пока невыгоден этот союз. Пока…

– Я понимаю…

Френсис действительно понимала. Если договор будет заключаться от имени его величества Остеона или Найджела, те могут призвать союзников на помощь. Во время войны любое покушение на королевскую власть – бунт. Карается смертью на месте – если повезет. Если нет – ты будешь молить о смерти.

А вот если на трон садится новый король, если он, своей волей, заключает этот союз, если начинается война, которая позволяет отправить на поле боя самых недовольных и решительно прополоть остальных…

Это уже совсем другой расклад. Но показывать, что она это понимает, – нельзя. Наоборот…

– Поэтому ты будешь постепенно вкладывать в голову Найджелу простые мысли. Первая – отец его не понимает. Он так всю жизнь и пробегает перед отцом на задних лапках, если не решится сбросить ярмо. Можешь ты влюбить этого индюка в себя?

Френсис пожала плечами.

У Найджела в сердце уже была одна любовь – к нему самому. Вряд ли там еще поместится…

Увы, ее величество Лиданетта была хрупкого телосложе-

ния. Роды дались ей очень сложно, она долго приходила в себя и с рук не спускала сына. Второй раз у нее был выкидыш. И третий. Потом родился мертвый ребенок…

Все это заставляло ее обожать живого малыша, тискать, уделять ему все время и внимание…

Найджел вырос в твердой уверенности, что солнце светит миру по его приказу. И только для него. Убедить такого эгоиста в своей любви несложно, он и так в ней не сомневается. Это же ОН, и Он снизошел до тебя. Чего тебе еще надо для счастья?

А вот заставить его полюбить?

Это задача для незаурядной женщины. Впрочем, Френсис считала себя именно таковой.

– Я попробую, но не ручаюсь за успех.

– О, я верю, что у тебя все получится, дорогая. Влюби его в себя и внушай мысль, что от отца можно избавиться и иначе. Не убийством…

– К примеру, мой господин?

– Есть некоторые отвары… Если пить их достаточно долго, человек становится безумен. Ему чудятся голоса, появляются видения… безумие его будет очевидно. А безумный король не может править государством. Его надо запереть и вручить регентство и корону его сыну.

Леди Френсис кивнула.

– Это вторая мысль?

– Да. И третья – его не уважают. Его унижают, заставляя

жениться на Дилере Эларской. Отец женился по любви, а для сына он счастья не желает, оскорбляет и третирует наследника, низводя его чуть ли не до уровня ребенка…

Леди кивнула.

– Я сделаю, мой господин. Но не случится ли так, что Найджел просто оскорбит эларцев? Смертельно оскорбит?

– И пусть. – Господин довольно улыбнулся. – Поверь, найдется и кому утешить принцессу, и кому спасти репутацию страны в глазах соседнего государства…

Леди Френсис подумала и кивнула.

Что уж она поняла – осталось в хорошенькой головке леди, но вслух прозвучало:

– Мой господин… вы имеете в виду себя?

– Это тебя не касается.

Из зеленых глаз покатились бриллиантовые слезинки.

– Мой господин, только не говорите, что вы готовы променять меня – на эту чалую лошадь!

Мужчина хохотнул. Леди Френсис, безжалостная, как и все красивые женщины по отношению к соперницам, попала в точку. Именно чалая и именно лошадь. Лучше бы Дилеру не описал никто.

Вытянутое лицо, тяжелая квадратная нижняя челюсть, здоровущие зубы, бородавка на щеке, волосы невнятного коричневого оттенка… Да и фигура соответствующая – длинная и нескладная.

Рядом с леди Френсис Дилера не просто смотрелась бы

служанкой. На нее бы еще и плевали…

– Неужели ты думаешь, я могу от тебя отказаться?

Бриллиантовые слезинки так же текли из глаз.

Леди Френсис отлично понимала, что ради власти ее любимый пойдет на все и не посчитает это грехом. От нее не просто откажутся. Ее убьют.

Но выглядела она так соблазнительно…

Растрепанная, полуобнаженная, с гривой волос, рассыпанной по одеялу…

– За эти мысли ты заслуживаешь самого строгого наказания, – приговорил мужчина. И подмял под себя несопротивляющуюся красавицу.

Леди Френсис была достаточно умна, чтобы верно оценивать свои силы.

Королевой ей не стать. Но фавориткой – вполне. А для этого нужно быть услужливой, податливой, покорной и соблазнительной. И она отлично с этим справится.

Принц, говорите?

Что ж, она справится и с принцем. А сейчас…

Сейчас нет ничего, кроме ее самой, любимого человека и наслаждения, которое он дает ей. Да, мой господин, еще, прошу вас…

Мария-Элена Домбрийская

Поездка в карете – это не особенно интересно.

Ты едешь, кляня кочки и выбоины, потом вы останавли-

ваетесь, ты разминаешь ноги и возвращаешься в карету.

Через два часа – то же самое.

Останавливаться на обед?

В этот день было попросту негде. Они не встретили ни одного приличного придорожного трактира, в который можно было бы зайти и пообедать. А вот ночевать…

Ради ночевки они остановились на постоялом дворе, который гордо нес вывеску с названием «Три карася».

«Жаль, не три пескаря, – съязвил внутренний голос, както ставший привычным. – Интересно, каких карасей там жарят, если до ближайшей речки пилить и пилить?»

Малена предпочла не обращать внимания на этот вопрос и медленно, вслед за капитаном, вошла внутрь.

«М-да. Пять звездочек мы видим только в окошко. За… любись…» – оценил внутренний голос.

При чем тут звезды, Малена тоже не поняла. Трактир как трактир.

Общий зал с изрядно закопченными потолками, тяжелые столы и такие же тяжелые скамьи – чтобы драться было ими несподручно. По стенам развешаны вязанки лука и чеснока, там же, в держателях, факелы… Закопченный камин – его должны разжечь вечером…

«Если труба не забилась. А то дыму будет…»

Стойка, за которой находятся бочки, бутылки, дверь на кухню, и стоит сам хозяин трактира.

«Бэээээ…»

Да, при виде этого толстяка в несвежей одежде у Малены комок подкатил к горлу. Толстое брюхо, кожаные штаны и фартук, грязная рубаха, некогда бывшая… интересно, какой?

«Судя по виду – ей камин и прочищали». – Внутренний голос окончательно распоясался. И был прав. Увидь такое матушка-настоятельница, мерзавца бы просто воткнули головой в кучу навоза. И пусть стоит, пока не надоест.

Малена такого приказать не могла.

Горло свело судорожным спазмом, руки дрожали, перед глазами все плыло…

«Эй, ты только в обморок не ляпнись, – забеспокоился внутренний голос. – Тут грязи на полу столько, что тебя год не отмоешь!»

Малена судорожно кивнула, еще раз сглотнула и ухватилась за руку ближайшего солдата. Тот посмотрел сначала удивленно, потом понял, что девушке просто плохо от местной атмосферы и запахов… о, этот восхитительный букет прокисшего пива, подгоревшего мяса, несвежей рыбы, отхожего места и не выплеснутых вовремя помоев! Тут и перегару недельному рад будешь!

Марию-Элену подхватили под локоть и деликатно, но крепко поддержали.

– Дышите, барышня…

Малена сделала глоток сомнительного воздуха, второй… Покосилась на солдата. Видела она его раньше? Да, возмож-

но. Просто сейчас у нее не то состояние. Она бы здесь и отца не узнала…

Тем временем Дорак Сетон хлопнул по стойке.

«Какой герой, – тут же последовал комментарий. – Руку отодрал. А мог бы и пару пальцев оставить… прилипли бы».

«Она в перчатке», – в ответ подумала Малена, находясь в таком состоянии, что беседы с внутренним голосом ее не ужасали. Все лучше, чем если ее начнет тошнить прямо здесь. И прямо сейчас.

Не готовят в обители к таким-то радостям жизни! Не заставляют копаться в навозных кучах, убирать за свиньями, чистить выгребные ямы!

И даже если говорить о страждущих…

Малена могла жаловаться долго, но кто ж допустит герцогессу к действительно тяжелым случаям, вроде той же проказы? Или к умирающим от язв или ран в живот?

Да, в обители все равны. Но… Домбрийская.

– Комнату для госпожи. Комнату для меня. Так… и три общих комнаты для моих людей. Лошадей расседлать, напоить, задать овса…

– Да, господин…

– Сетон, – высокомерно произнес Дорак. – Командир гвардейцев его светлости Домбрийского.

– Ох, милосердие Его! Какие гости-то!

«Расхвастался, павлин…»

Малена была полностью согласна с внутренним голосом.

Трактирщик кивнул слугам, которые вылетели за дверь, а сам поклонился адресно капитану, адресно Малене и засеменил вверх по лестнице.

– Следуйте за мной, господа! Госпожа…

– Ее светлость! – рявкнул Дорак.

– Ох, милосердие Его! Прошу вас, ваша светлость…

Лестница была крутой и грязной, идти по ней вдвоем было откровенно сложно, опираться на перила Малена просто не рискнула, подхватила повыше юбки верхнего и нижнего платья, наплевав на приличия… хватит! И так тошно… надо потом будет это платье выкинуть!

«Сжечь перед тем, как надеть».

Комната, дверь которой услужливо распахнули перед Маленой, была маленькой и тесной. Но это бы она пережила…

Это – да. Но другое…

Постель выглядела очень характерным образом. А именно…

«Клопы!» – ахнул внутренний голос.

Да, этими тварями и кишела кровать, накрытая грязно-серым покрывалом. Малена передернулась.

– Это что такое?! – взревел Дорак. – Ты что – смерти ищешь?!

Трактирщик согнулся в поклоне, залебезил, оправдываясь…

«Замечательно. Сейчас этот умник будет два часа орать на трактирщика, потом они ничего не сделают, и тебе при-

дется ночевать или в карете, или в чистом поле, лошади-то уже расседланы. И в результате с утра ты будешь никакой. А впереди еще день… и не один день».

«И что делать? – Малена так живо представила эту перспективу, что ей дурно стало. – За что мне это?»

«Подвинься…»

Малена резко выпрямилась.

– Господа, будьте любезны замолчать!

До трактирщика дошло сразу, и он умолк, Дорак какое-то время бушевал, пока не заметил взгляда Малены. Ледяного, презрительного… когда она научилась так смотреть?

Она и сама не знала. Как-то… Сама выпрямилась спина, сам открылся рот, произнося негромко, но четко и ясно, словно откусывая каждое слово…

– Капитан, будьте любезны, отправьте трех солдат носить воду на кухню. Господин… как вас зовут?

– Свон. Трактирщик Свон или дядюшка Свон, миледи…

– Ваша светлость. Господин Свон, вы сейчас прикажете слугам нагреть на кухне большой котел воды – и когда она вскипит, солдаты принесут сюда десять… нет, пятнадцать ведер с кипятком. Пусть зальют все углы. Дальше. Сколько у вас слуг?

– Четверо, ваша светлость.

– Двоих немедленно сюда. Они снимут с кровати весь этот хлам, выкинут и принесут потом свежего сена. Надеюсь, оно у вас есть? И пара-тройка мешков? Чистых?

– Да, ваша светлость…

– Отлично. После того как они выкинут этот мусор, пусть набьют несколько мешков сеном. Не королевское ложе, но переночевать сойдет. Завтра получите обратно свое добро. Капитан, заплатите человеку за хлопоты.

Дорак медленно кивнул:

– Да… ваша светлость…

– Вы все еще здесь?

Этого оказалось достаточно. Капитан ухватил трактирщика за шиворот и вытащил из комнаты. Примерно через пять минут со двора послышался его голос, отдающий приказы, а еще минут через десять явились двое слуг. Они вытащили кровать на середину комнаты, выкинули с нее слежавшийся тюфяк и простыню, потом, под чутким руководством Малены, один из них щедро намочил пол, а второй принялся мести его. И наконец явились солдаты с ведрами кипятка, который принялись щедро плескать на остов кровати, на пол и на стены.

Кровать залили всю так, что с нее аж капало, а в комнате приятно запахло распаренным деревом.

– Теперь принесите четыре миски с водой и поставьте в них ножки кровати.

Спустя час после приезда на постоялый двор герцогесса Домбрийская вытянулась на импровизированном тюфяке.

Мешки были накрыты ее плащом, так что сено не кололось, трава приятно пахла, было мягко и уютно, а что еще

надо уставшему человеку?

Малена прикрыла плотнее дверь, задвинула тяжеленный засов – и провалилась в глубокий сон.

Матильда Домашкина

Мотя чихнула и проснулась. Чихнула еще раз, повыразительнее, огляделась – и вспомнила все вчерашнее.

– Беська! Зараза!

Кошка приоткрыла один глаз, потом второй, а потом уморительно зевнула во всю крохотную пасть. Мол, что тебе еще надо, человек?

Да, я лежу на твоей подушке, и это кончик моего хвоста только что попал тебе в нос… подставлять не надо было!

Мотя выразительно поглядела в ответ – и направилась в душ. Так бабушка приучила. Утро начинать с контрастного душа, а вечер заканчивать теплым. Так и проснешься, и уснешь лучше…

Итак, душ, стакан воды натощак, теперь расчесаться и набросать что-то на лицо.

Сегодня предстоит идти и искать работу.

Стаканом кипятка залить хлопья и укутать полотенцем. Пусть постоят, пока Мотя лицо рисует. Все же внешность у нее неплохая, но глаза надо делать поярче, а брови и ресницы – подкрашивать. Тут главное – меру знать…

Вот так, контурный карандаш, немножко туши на ресницы, и глаза стали ярче, лицо заиграло. Теперь можно и хло-

пья жевать.

И – одеваться…

Любимые джинсы, с разрезами и стразами, майка кислотных тонов…

«Какой ужас! Разве в этом можно ходить женщине?»

Матильда оглядела себя в зеркале. Ну да, ярко…

Но разве это плохо?

«Просто неприлично! Так показывать ноги! И вообще…»

Внутренний голос мямлил, но смысл в его словах был. Ей ведь правда искать работу… Офисную. А на собеседование надо приходить одетой прилично – или хотя бы не вызывающе…

Джинсы отправились в шкаф, а Матильда извлекла из шкафа длинный розовый сарафан, который лично купила на распродаже за десять процентов от первоначальной цены. Достаточно удачный – до щиколоток. К нему подошли босоножки на низком каблуке и белая сумка.

«Теперь бы еще плечи прикрыть…» – посоветовал внутренний голос.

С этим проблем никогда не было. Бабушка Майя обожала вязать, и даже когда ее накрыло паркинсоном, пыталась…

Так что в шкафу была найдена кофта-сетка, которая и укрыла плечи девушки.

«Красиво…»

– Сама знаю, – буркнула Матильда внутреннему голосу.

И вышла из дома.

Надо купить газеты с объявлениями, прочитать их, обзвонить подходящие конторы и методично начать обходить все, по списку.

В наше время, пока что-то приличное найдешь, год пройдет. А денег мало…

* * *

Увы, сегодня точно был не Мотин день. Ближайший киоск закрыт на учет, пришлось идти в гипермаркет, а это около километра, да по жаре…

Там газеты оказались, но пока она их покупала, Матильду два раза толкнули тележками и ни разу не извинились. Мужчина-то спешил, понятно, а толстая тетка посмотрела с ненавистью и буркнула что-то вроде: «Расставилась тут».

Матильда мило улыбнулась в ответ.

Если сейчас начать скандал, это надолго, тетка поорать настроилась, это явный энергетический вампир. Кончится тем, что у Матильды голова разболится, и день точно пойдет псу под хвост. А эта зараза довольна будет, ей поругаться – как кофе выпить, без скандала день не задался.

Таких надо обламывать, так что Мотя даже посторонилась и жестом указала – мол, вот вам еще полметра, если вы на трех уместиться не в состоянии…

Тетка поглядела волком и ушла, а Мотя отправилась домой.

И…

– Мотя!

Твою ж маму тетю Пашу!

«Какой ужас! Это – мужчина?»

– Нет. Это промежуточное звено между обезьяной и человеком.

«Брр…»

Петюня был единственным, кто рисковал вслух называть Матильду – Мотей. Дать ему в глаз не было никакой возможности, потому что вымахал он за два метра и весил около ста двадцати килограммов. Из них, по мнению Матильды, на мозг приходилось грамм шестьсот. И то – на спинной.

Голова же…

Кость, понятное дело!

Петюня не оставался на второй год в школе просто потому, что учителя не хотели портить себе нервы и показатели. Его мать, тетя Паша, она же тетя Прасковья (а шепотом и с оглядкой – тетя Параша), за родного ребенка загрызла бы даже медведя гризли. Да что там медведь!

Для родного чадушка она готова была достать луну с неба и Марс с орбиты. Она работала уборщицей в трех местах, что-то продавала, что-то покупала «по знакомству, для своих» и полностью содержала чадушко.

В криминал Петюня не влип по двум причинам.

Первая – там нужен был мозг хотя бы в зародышевом состоянии, все же девяностые прошли.

Вторая – местная шпана отлично знала «тетю Парашу» и предусмотрительно обходила ее сыночка стороной. От греха. Серьезному же человеку такие идиоты просто не требовались.

Но ладно бы слышать от него ненавистное сокращенное имя!

Это бы Матильда пережила. А вот другое…

Петюня решил жениться. То есть тетя Паша огляделась вокруг и решила, что деточке уже под тридцать, деточке надо своих заводить. А с кем?

Девушки из деревни, которые могли бы польститься на квартиру и прописку, ее не устраивали. Девочек получше не устраивал Петюня. И тут…

В ее дворе!

Такая удача!

Девушка, восемнадцать лет, осталась одна, без родни, зато с наследством… главное в невесте – приданое. Вторым плюсом шло отсутствие свекрови. Как упустить такой шанс?

Молодые могут жить и с мамой, а Мотину квартиру можно сдавать…

И тетя Паша пошла на штурм.

Сначала Матильду приглашали в гости, потом пытались вместе с Петюней отправить куда-нибудь посидеть в кафе или посмотреть кино… Результатом стараний стала привычка Моти оглядываться по сторонам и проскакивать домой, как партизан по лесу – быстро и незамеченной.

Конечно, можно было во весь голос и на весь двор расчихвостить Петюню, послать матом его мамашу и популярно объяснить, что невесту с жилплощадью им надо искать в зоопарке, в клетке с гориллами. Если тетя Паша недельку за чадушком не последит, никто и не заметит отличий. Но!

Школа бабы Майи сбоев не давала.

«Запомни, Мотя, – поучала бабушка, – я старая. Сколько проживу, не знаю, на ноги тебя постараюсь поставить, а все ж… Останешься одна, беззащитная, много сволочей найдется. Ты из себя строй дурочку, а сама примечай, кого и с кем стравить. Там поймешь, как случай подойдет. Но если укусить не можешь – никогда не лай. Тишком, молчком…»

«Неблагородно…» – засомневался внутренний голос.

«Угу. Зато каков мужчина!» – согласилась Матильда, созерцая жирную фигуру в семейных, по случаю жары, шортах и майке-алкоголичке навыпуск. Визуальная экспертиза позволяла определить, что вчера в рационе оппонента было пиво, а сегодня – яичница.

Внутренний голос заткнулся. Матильда улыбнулась как можно вежливее.

– Петя, здравствуй.

Мимо пройти не удалось. Увы… не успела.

– Моть… у меня два билета в кино. Сходим сегодня, на вечер? Кукурузы пожуем, пивка попьем?

Пиво Мотя не любила, попкорн считала американской диверсией. Но отказываться надо было вежливо.

– Петя, извини, сегодня никак не могу.

– А что так?

– Отравилась вчера, вот в аптеку бегала. Сейчас уголь пить буду…

Петя закивал.

– А… эта… может, к вечеру оклемаешься?

Мотя пожала плечами, а потом согнулась вдвое, прижала руку к животу…

– Петя, прости! До квартиры не дотерплю… у меня такой понос…

Словесный.

И ноги, ноги…

Прежде чем «галантный кавалер» сообразит, что ответить. Влететь домой, захлопнуть дверь – и не открывать. Все! Она занята! Медитирует над рулоном туалетной бумаги, постигая дао, сяо и мяо…

«Неужели нельзя от него избавиться?»

«Ага, наивный внутренний голос. Можно, но только боольшим скандалом. А потом тетя Параша начнет выживать меня из дома, и ей это, скорее всего, удастся. Потому как я одна, а их двое. И даже если Петюня перейдет в атаку, отбиться мне не удастся. Этакий бизон! А если я его покалечу, попаду за решетку. Его мамаша меня со свету сживет!»

«Кошмар какой!»

«Кто бы сомневался…»

«А у нас за женщину обычно заступается отец или

брат…»

«А если их нет?»

«Муж…»

«И его нет…»

«Тогда не знаю…»

И тут Матильда поняла СТРАШНУЮ ИСТИНУ!

Она стоит в прихожей своей же квартиры, как дура, держит пакет с газетами и на полном серьезе ведет беседу со своим внутренним голосом.

Причем идиотскую.

«Почему?»

«Потому что сами с собой беседуют только психи. А я сошла с ума. Какая досада!»

«Но ты же не сама с собой беседуешь?»

«А с кем? С шизофренией?»

«Я не ши… фря…»

«Правда? А кто ты?»

«Мария-Элена…»

«Моя шизофрения по имени Мария. Красота!»

«Я не… это! Я Домбрийская!»

«Замечательно. А я Домашкина. Будем знакомы. Минутку… Домбрийская?»

«Д-да…»

«Та вареная сопля, которая даже рявкнуть не может?»

«Я попросила бы!» – обиделся внутренний голос. Или та самая… Домра?

«Домбрийская!»

– Твою дивизию! – ругнулась Мотя, как обычно бабушка. – Так, погоди…

Она решительно сунула газеты на тумбочку, прошла на кухню, налила себе стакан ледяной воды и медленно выпила. Мелкими глоточками.

Потом села за стол и сжала виски руками. В голове было пусто, словно ветром все мысли выдуло.

«Эй… ты еще там?»

«Д-да…»

«Давай думать вместе?»

«Давай…»

«Как тебя зовут?»

«Мария-Элена Домбрийская. Герцогесса Домбрийская».

«А я Матильда Домашкина. Только Мотей не называй, ненавижу».

«Госпожа Матильда?»

«Пока это выговоришь, завтра настанет. Давай короче – Тильда».

«А меня мама Маленой называла. Малечкой…»

«Забавно. Меня тоже так называть можно, только… ладно. Замнем пока».

Просто Малечкой обычно звали Матильду Кшесинскую. А бабуля, будучи ярой коммунисткой, ничего, что связано с Романовыми, на дух не переносила.

«Непонятно…»

«Ты не одинока в своем непонимании. У меня вот тоже голова кругом. Ладно, Малена. Можно так тебя называть?»

«Можно…»

«У нас есть два варианта. Первый – я сошла с ума от одиночества».

«Тогда и я сошла с ума?»

«Не хотелось бы?»

«Нет. Безумцев у нас убивают».

«За что?»

«Считается, что их духом овладел Восьмилапый и в любой момент может поглядеть на мир через их глаза. А кому ж охота оказаться рядом с Разрывающим дорогу?»

«Это кто такой?»

«Ты не знаешь, кто такой Восьмилапый? Паук, Кровопийца, Путающий нити…»

Матильда подумала пару минут.

«Нет. У нас такого нет. Но… я правильно понимаю, что это из вашей веры?»

«Да… А во что вы верите?»

«Кто во что горазд. Официальная религия – христианство, но там столько всяких ответвлений… А вы во что верите?»

«В Брата и Сестру. Детей Творца, которых он послал в Ромею, чтобы учить и наставлять нас в тяжелые дни, утешать в горестях и помогать нести нашу ношу».

«Непонятно, но ясно». – Матильда решила сейчас не вда-

ваться в теологические вопросы. Ей стало чуть легче.

Бабушка настаивала, чтобы Мотя ознакомилась с Библией, Кораном, книгой Велеса, Аюрведой и даже Авестой. Врага коммунизма надо знать в лицо – и точка.

Мотя честно прочитала, половину не запомнила, а вторую просто не поняла и забросила книги под шкаф.

Но в прочитанном точно не было ничего про брата и сестру. У нас вообще большинство религий патриархальные. Вот где разгуляться-то феминисткам! А придумать такое Мотя просто не могла бы. У нее фантазии не хватит. И тема не ее…

«Это что значит?»

«Ты слышишь мои мысли?» – спохватилась Мотя.

«Наверное… не знаю».

Матильда потрясла головой.

«Ты хочешь сказать, что ты – живой человек, и ты сейчас, в своей… Ромее?»

«Аллодии. Это страна, а Ромея – наш мир».

«Понятно. И ты сейчас сидишь…»

«Я сплю».

И тут Матильду осенило.

«Погоди-ка! Так это тебя я во сне видела!»

«Н-наверное…»

«С пирогом, бабником, каретой и клопами в трактире, и ты еще мямлила?»

Получилось не особенно понятно, но Мария-Элена словно бы хлопнула в ладоши.

«А это ты мне подсказывала, да?»

«Д-да… я думала, что сплю!»

«А сейчас я – сплю».

«Значит, когда у нас день – у вас ночь, и наоборот. Удобно…»

«Наверное…»

«Интересно, а почему так получилось?»

Мария-Элена так явственно удивилась, что Мотя это почувствовала.

«П-почему?»

«Ну да. Вот ты жила, жила спокойно, а потом вдруг в твоей голове поселился голос, и ты не бьешься в истерике, не пугаешься…»

«Колдовство?»

Вот теперь собеседница точно испугалась.

«А у вас есть колдуны?»

«Слуги Восьмилапого».

«Типа нашего черта… понятно. А что они могут?»

«Н-не знаю. Нам об этом не рассказывали».

«То есть не факт, что колдовство есть. И даже если бы было… у нас его точно нет».

«Вообще?»

«Да».

«Счастливые…»

«Малена, а ты все видишь, что со мной происходит?»

«Да. Как будто твоими глазами смотрю».

Мотя вспомнила свои ощущения.

«Да… я тоже. А как ты выглядишь?»

«Примерно как и ты. Только ты красивее…»

«Покажешься мне в зеркале?»

«Да. Зеркало!»

«Зеркало!»

Девушки взвыли в унисон. И окажись они друг напротив друга, посмотрели бы с удивлением.

«Зеркало?»

«Зеркало?»

«Да… я нашла его в маминых вещах».

«А я в заброшенном доме, еще оцарапалась. Зараза такая!»

«Я т-тоже…»

Мотя, игнорируя звонок в дверь, кинулась в спальню. Достала свою находку, оглядела со всех сторон.

«Почти как мамино!» – обрадовалась Малена.

«Почти?» – Мотя вертела зеркало в руках.

«Да… и знаки такие же. И герб мой…»

«Лань?»

«Да. Наш герб, Домбрийских…»

«Шикарно. А знаки…»

По оправе шли странные символы.

Руны?

Какие-то буквы?

«Что это вообще такое?»

«Н-не знаю».

«На твоем не лучше?»

«Надо поглядеть…»

«Вот-вот. Посмотри, потом я попробую все это добро перевести. Хоть будем знать, с чем столкнулись».

Малена была полностью согласна.

«Это может быть опасно?»

«Не знаю. Но у меня есть одна теория…»

«Какая?»

«Я где-то читала, что миров множество».

«Это и мы знаем».

«Значит, точно правда. И в разных мирах мы можем проживать разные жизни».

«Это как?»

«Здесь я родилась Матильдой Домашкиной. Но если бы наш мир развивался иначе… Я могла бы родиться тобой или ты – мной».

«Двойники?»

«Умничка, ловишь мысль! Именно двойники! Только из разных миров. Потому и зеркала у нас одинаковые, и они нас между собой связали… Ты свое когда нашла?»

«Вечером… вчера».

«Ага. А я, получается, чуть позднее. Значит, твое зеркало было первично».

«Это я во всем виновата?»

И столько грусти, столько безнадежности было в голосе

Малены, что Мотя автоматически, подражая бабушке, рявкнула:

«Твою дивизию! Хватит ныть! В чем ты виновата-то?»

«Что ты… это… что мы…»

«Что мы познакомились?»

«Н-ну…»

Матильда вдохнула. Выдохнула. Нет, это точно не шизофрения. Ее глюки не были бы такими мямлями.

«Мария-Элена, прекрати страдать».

Малена в голове отчетливо икнула, но скулить прекратила.

«Ты чего хотела-то, когда зеркало нашла?»

«Н-ничего…»

«Совсем?»

«Мне просто плохо было… и я одна совсем… отец умирает… мама умерла…»

«А я своих и не помню. Живы они или уже померли… И бабушка умерла».

«Ты тоже одна?»

«Теперь вот с тобой».

«А ты… ты не против?»

Матильда вздохнула.

Шизофрения там или нет… не бросать же эту соплюшку? И вообще, она как-то в интернете читала «Записки психиатра». Вот, всегда можно будет написать «Записки психа». Еще и прославимся.

«Не против я. Будем дружить мозгами…»

Звонок так же разрывался.

«Сейчас, минуту…»

И уже вслух, у двери, громко:

– Кто там?

– Мотенька, это я, тетя Паша. Ты как себя чувствуешь?

У, стервятница…

Вслух Мотя этого не сказала.

– Теть Паш, отвратительно. Извините, не открою, только что с горшка встала.

– А вот у меня таблеточки хорошие, импортные…

– Ох, извините. Опять подступило…

Матильда с шумом спустила воду в туалете и удрала в дальнюю комнату. Квартира у них с бабушкой была удачная – двухкомнатная, с раздельными комнатами в две стороны от длинного коридора. Рядом с прихожей находились ванная и туалет, дальше по коридору – кухня. Конечно, все маленькое, но у людей и того нет.

В меньшей комнате сейчас спала Мотя. В большой надо было устроить ремонт и сделать гостиную, но духа не хватало. Разобрать бабушкины вещи, что-то выкинуть, что-то раздать…

Тетя Параша предлагала помощь, но от одной мысли Моте становилось дурно.

Чтобы эта гнида в ее доме дотрагивалась до бабушкиных вещей?

Да баба Майя с того света явится! И достанется Моте по полной программе!

«У тебя бабушка была. Тебе повезло…»

«А у тебя?»

История Марии-Элены заставила Матильду скрипнуть зубами.

Да, и так бывает. Мать умерла, отцу на все плевать, у него любоффф, а ты сиди в обители. И это еще не худший вариант.

Мог бы и сговорить, и замуж выдать, даже не привозя домой…

«Я хотела остаться в монастыре. Там хорошо…»

«Ты что – с ума сошла?» – искренне ужаснулась Матильда.

«А кому я еще нужна? Куда мне еще идти?»

«Домой».

«К мачехе?»

«Ну… это надо разбираться с условиями завещания. Кто там к кому. Может, она у тебя в гостях окажется».

Судя по ощущениям, мачеху Мария-Элена боялась до судорог. И Матильда поспешила успокоить подругу.

«Ты не переживай, мы же вместе…»

И такая волна тепла и благодарности пошла от чужих мыслей…

Матильда постепенно различала, где она, а где Малена. Девушка воспринималась как теплый пушистый клубок в

уголке разума. Не мешала, но могла наблюдать и вставлять реплики. А то и…

«А управлять моим телом ты можешь?»

«Не знаю».

«Но ты же меня пускала к себе? Помнишь?»

Мотя, правда, думала, что ей просто сон приснился, но…

«Помню».

«А теперь ты попробуй?»

«Что попробовать?»

«Ну… пирог я пробовала. Вкусный. Пошли, поедим?»

«Пойдем…»

Вермишель с сыром Малене понравилась. Вкус был непривычным и приятным.

«У нас такого нет…»

«А у нас и не такое есть. Подожди, мы с тобой горы свернем! И моря перекопаем!»

«Может, не надо? Моря?»

«Ладно. Ограничимся горами».

Матильда решила, что сегодня точно ничего умного и полезного не сделает, и упала на диван. Цапнула «лентяйку».

«Будем сегодня заниматься тобой. Знакомить тебя с нашим миром. Итак – «Анимал планет».

Телевизор девушки смотрели до позднего вечера, прерываясь только на ужин и болтовню. Знакомились, узнавали друг друга получше, искали общие интересы…

И понимали, что правда – похожи.

Обе не любили молочные пенки, сладкому предпочитали соленое, цвета – голубые и зеленоватые, обожали полевые цветы и не любили розы за слишком пышную красоту. Зато обеим нравился шиповник.

Не любили благовония и излишнюю пышность в одежде, теребили в задумчивости мочку левого уха, спали на животе, носом в подушку, легко складывали слова, а вот с математикой плохо было у обеих…

Двойники?

Да, наверное…

Вечером, засыпая, Матильда думала, что она как-то легко приняла это обстоятельство. Но зеркало было рядом. Массивное, тяжелое… и в галлюцинации не верилось. Слишком много подробностей, слишком много сведений, ей бы в жизни такого не придумать.

Значит, правда.

Наверное, это магия.

Зеркало находит двойника, появляется рядом с ним и… воздействует? Наверное, так, иначе бы двойник мчался к психиатру, а она вот лежит, обдумывает ситуацию.

Удобно получается.

Она спит – Малена бодрствует. А Мотя в это время видит сон о ее жизни. И наоборот…

Этакий друг, который всегда со мной, которого не выкинуть из головы, его никто не видит, но ведь она – есть?

Беся мурлыкнула рядом. Матильда сунула ей под нос зер-

кало.

– Ну-ка погляди на себя?

Ответом было самое натуральное фырканье. Кошке зеркало было безразлично.

– Значит, не нечисть. Тоже результат экспертизы.

Мотя убрала зеркало под подушку, свернулась клубком под одеялом и приготовилась увидеть новый сон из жизни Марии-Элены Домбрийской. Интересно же, господа!

Это вам не пошлые инопланетяне с зелеными человечками в летающем чайнике! Это – Ромея!

Мария-Элена Домбрийская

Малена просыпалась со странным чувством.

Такое бывает у детей. Когда все хорошо, когда в соседней комнате спят мама и папа, и можно прибежать, забраться к ним под одеяло и еще подремать, ощущая родное тепло и находя защиту от любой беды, когда приснился хороший сон и впереди хороший день…

Почему?

У нее же…

Память возвращалась медленно, но потом имя сверкнуло вспышкой.

Матильда!

Этой ночью Марии-Элене снилось, что она – другой человек.

Живет в другом мире, ходит по другим улицам, ищет ра-

боту и даже завела кошку. Кошку ей, кстати, всегда хотелось, но мамин старый кот, Мурчик, умер вскоре после маминой смерти. Тосковал, отказывался есть, так и сдох рядом с родовой усыпальницей, а нового завести…

В доме появилась Лорена.

«Подумаешь, – прозвучал в голове знакомый голос. – Лорена – мурена! Ты как относишься к жареной рыбе?»

Мария-Элена прислушалась к знакомому голосу, который говорил с привычными ворчливыми интонациями, и вдруг…

«Тильда, ты мне точно не приснилась?»

«Не знаю, как насчет тебя, ты могла мне и присниться. А вот я совершенно живой и реальный человек, – отозвался тот же ворчливый голос. – Так сказать, умная и обаятельная девушка в самом расцвете сил».

Правда! Все правда! И это – было!!!

Малена от радости подскочила на своем ложе, выпрыгнула на пол и повернулась на носочке, как в детстве.

Не одна!

Она теперь не одна!

У нее есть… А кто у нее есть?

«Согласна на сестру», – отозвалась Тильда.

Малена вспомнила Силанту. Помолчала.

«Сестра…»

«Так, рассказывай. – Матильда посерьезнела. – Судя по тому, что тебе не нравится это слово… все серьезно?»

«Наверное…»

«Долгая история?»

«Да».

«Тогда пока рассказ отменяется. У нас есть дела поважнее».

«Какие?» – искренне удивилась Малена.

«Зарядка!»

«Это что-то вроде утренней молитвы?»

«Да, примерно, – хохотнул голос в голове. – Уступишь ненадолго место?»

«Зачем?»

«Ты пока не знаешь, как и что надо делать, а объяснять долго. Покажу – и удеру. Идет?»

«Куда удерешь?»

«В сторонку отойду! Дальше сама делать будешь!»

«Хорошо…»

Малена попробовала посторониться и удивилась, как это легко дается. Словно в удобное кресло присела и ждет спектакля.

«Раз и два, и три, четыре, выше ноги, уши шире». – Голос был весел и бодр.

Под эти странные присказки Малена закатала ночную рубашку аж до талии, подоткнула ее – и принялась делать странные движения.

Головой, руками, ногами, талией и даже попой. Странно как-то…

«Зачем ты так делаешь?»

«Чтобы тело было сильным, гибким и в хорошей форме».

«Не понимаю!»

«Допустим, придется тебе бежать…»

«Куда?»

«Не важно. Или рожать. – Тело в это время извернулось и попробовало сделать странное – подтянуть колено к носу. Получалось плохо. – М-да, связки у тебя, подруга, отвратительные. Растяжки никакой».

«Я не…»

«Да оно и понятно. Ты же в монастыре воспитывалась, какая там гимнастика! Трудовая нагрузка… Ладно. На монастырских харчах не растолстеешь, так что база есть, остальное подтянем. Ты у меня еще колесом пройдешься!»

Тело опустилось на пол и попробовало…

«А что ты сейчас делаешь?»

«Отжимаюсь».

«Как-то это странно», – честно высказалась Малена.

«Да все просто, зайка. Чтобы выносить и родить здорового ребенка, нужно здоровое тело. Чтобы вести полноценную жизнь – тоже. Зарядка помогает поддерживать себя в форме. Ну и мужчинам нравятся девушки с хорошей фигурой».

Малена поежилась.

«Никогда об этом не думала…»

«Странно, что в монастыре вам об этом не говорили».

«Почему?»

«Потому что. Вот в нашей Библии написано, что Бог сотворил человека по своему образу и подобию. У вас не так?»

«Они творили мир и людей из огня своих сердец и цветов своей души…»

«Очень романтично. Но я о нашем… Так вот – если мы сотворены по Его образу и подобию… уффф!»

Малена не стала садиться на пол, она оперлась ногой на стену и пыталась теперь дотянуться до носка, но получалось плохо.

«То пренебрегать своим телом, содержать его в беспорядке – грех. И серьезный. Мы же уродуем и Его творение, и Его подобие. Поняла?»

«Никогда об этом не думала…»

«Думать тоже учиться надо. Если бы все умели это делать, в мире не было бы ни горя, ни боли…»

«Правда?»

«Так бабушка говорила. Все, уступаю место. Иди…»

Малена едва не упала, где стояла. В теле ныла каждая жилка, каждая косточка…

«Ты что сделала?»

«Да почти ничего. Размялась немного, подготовки-то у тебя никакой. Не унывай, потом будет легче. Давай, прикажи подать тебе воды, ополоснуться, и вперед. Одеваться, завтракать и ехать вперед. Ибо – надо!»

Малена поежилась.

Страшновато как-то было. Это сейчас она должна открыть

дверь, распорядиться, чтобы ей принесли воду, потом помыться, потом…

– Я не умею…

«Тогда двигайся опять. И смотри, как я это делаю! Рявкать надо учиться, иначе всю жизнь проживешь в роли серой мышки. А кошек вокруг мно-ого…»

Малена вздохнула.

Хорошо говорить Матильде. А как быть, если тебя ничему такому не учили?

«Что тоже странно…»

«Почему?»

«Сейчас, воду закажу и объясню».

Матильда оглядела себя, завернулась в одеяло и решительно распахнула дверь. Почти пинком.

Коридор был пуст.

Ага…

А вот подходящая штука у нее в комнате. Медный таз и кувшин, далеко слышно будет…

Малена только вздрагивала, когда кувшин принялся ударяться о таз в каком-то странном ритме. А потом вошедшая во вкус Матильда принялась стучать все звонче, четче и быстрее…

«Вставай, вставай, постели заправляй!!!»

Это, конечно, не горн, но литавры – тоже неплохо.

Людей долго ждать не пришлось. Первым в коридоре показался сам трактирщик, за ним несколько вояк в цветах

Домбрийских…

Кувшин и таз мигом были отставлены в сторону. Матильда прищурилась на трактирщика.

– Господин Свон, будьте любезны, распорядитесь. Мне нужны две служанки, теплая вода, чтобы умыться с утра, и легкий завтрак. А вы, десятник… как ваше имя?

– Десятник Крокс, ваша светлость.

– Господин Крокс, будьте любезны найти капитана Сетона и сообщить ему, что мы выезжаем после того, как я позавтракаю. Пусть готовится к отъезду.

– Как прикажете, ваша светлость…

Малена отпустила его небрежным жестом и обвела взглядом остальных, скопившихся в коридоре.

– Ни у кого нет дела? Я вам сейчас найду работу. Р-разойдись!

Подействовало ли обещание или командный рявк – непонятно, но люди зашевелились. Малена не стала дожидаться конца процесса, вернулась к себе и захлопнула дверь.

И без сил упала на кровать.

«Фууу… Матильда, у меня бы так никогда не получилось!»

«Глупости говоришь, подруга. Все у тебя получится, если потренируешься… вот где странность. Про монастырь, да?»

«Да…»

«Ты – герцогесса. Должна выйти замуж и разбираться с большим хозяйством, верно?»

«Да…»

«А тебя чему учили?»

«Ну… я могу…»

«В теории, подруга. А на практике, если не рявкнешь… ты сама видела. Без пенделя чудотворного никто и не почешется. А ты их выдавать не умеешь… представляешь, если полководец вместо команд начнет мямлить: деточки, ну пожалуйста, заиньки, потрудитесь, уж будьте добреньки…»

Мария-Элена фыркнула.

«Ничего не получится».

«Вот! А тебя так и выучили. Ты – сферический конь в вакууме. Ты умеешь все, а слушаться тебя никто не будет, потому что этому-то тебя не научили. Управлять людьми – тоже искусство…»

«А ты откуда это знаешь?»

«Оттуда… Потом расскажу. Там умываться несут…»

Мария-Элена прислушалась. Да, что-то гремело, но еще на один вопрос времени хватало.

«А что такое пендель чудотворный?»

«Это такое секретное магическое воздействие, в результате которого медлительные ускоряются, трусы становятся храбрыми, ленивые – трудолюбивыми, а жадные – щедрыми. Правда, хватает ненадолго, надо повторять для закрепления результата».

«А у нас это повторить можно?»

«Да… только надо заказать подходящее оборудование».

«Какое?»

«Тяжелые ботинки с окованными железом носами. И тренировка, конечно, а то ногу обобьешь о чугунные зады…»

Малена едва не осталась без воды, потому что служанки никак не ожидали увидеть хохочущую герцогессу, сидящую на краю импровизированной кровати и вытирающую слезы смеха. Вот едва и не разлили все…

Ничего, справились.

* * *

Пока Малена умывалась и обмывалась в тазике, Матильда молчала. Но когда та начала одеваться, опять ожила.

«А у вас трусов нет?»

«Н-нет…»

«Понятно… Пошьем».

«А зачем?»

«Чтобы не простудить ценное место. А это обычный дамский наряд?»

Малена пожала плечами.

«Да… а что в нем такого?»

«Путешествовать неудобно. Тебе бы что-то практичнее…»

«Неприлично».

«Это надо же! Без трусов им прилично, а штаны – нет».

Малена мысленно развела руками. Не она эту моду уста-

навливала.

Женщины по всей Ромее одевались примерно одинаково – сначала нижнее платье из любой ткани, от полотна до шелка, чаще всего белого цвета. На него надевается верхнее платье – уже из более тяжелой материи, сукно, к примеру, бархат для благородных или шерсть для купцов… Многое зависело и от статуса.

Если есть служанка, у платья будут рукава подлиннее и шнуровка на спине. Если служанки нет – и рукава короткие, и шнуровка спереди, и платье попроще…

Сверху – пояс, на котором висит все самое важное. Ключи, зеркало, кошелек с мелочью… пояс тоже показывает статус. К примеру, золотые пояса носят только дворяне. Серебряные могут себе позволить купцы и вообще – горожане, но не простые, а гильдейские мастера или военные в определенном чине…

Для остальных – кожа.

Теоретически и крестьянина можно одеть в золото, только его на этом поясе удавить могут. За самоуправство.

«Почему ты тогда одета, как нищенка?»

Матильда била не в бровь, а в глаз. Одежда матери Марии-Элене была безнадежно не по фигуре, перешить ее в карете было сложно, а монастырская одежда…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.